

Евгений Щепетнов

Бандит-5
Принц

Евгений Владимирович Щепетнов
Бандит-5. Принц
Серия «Пётр Синельников», книга 5

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67741550*

Аннотация

Принц?! Принц! Прошу любить, и жаловать! Не нравится? Да мне плевать! Становитесь в очередь, те, кому не нравлюсь! Вас слишком много, где хоронить всех буду?

Магия, интриги, любовь, деньги – все это есть. И то ли еще будет! Принц-некромант, адская смесь, не правда ли?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	39
Глава 4	57
Глава 5	74
Глава 6	90
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Евгений Щепетнов

Бандит-5. Принц

Глава 1

Я всегда сплю на ходу. Нет, не тогда, когда хожу – хотя и тут есть исключения. Например – если идти далеко, дорога ровная – почему бы и не подремать? Как и все солдаты – умею спать в запас, есть в запас, отдыхать в запас. Ведь может настать то время, когда поспать и не придется.

«На ходу» в данном случае – это лежа на мягкой полке бронированной кареты, положив голову на упругое бедро подружки. Не знаю, может ей и неудобно, тяжело, но зато мне хорошо! Эгоизм? Ага, самой высшей пробы! Терпи, дорогуша, раз взялась за взрослые отношения, схватила их своими маленькими, но сильными ручками...

Лежу, никого не трогаю, примусы не починаю, сквозь дрему слушаю рассказы всех трех моих подруг. Они рассказывают что-то из своей бурной жизни – о подружках, о смешных случаях, произошедших с ними, а я просто лежу и дремлю. Ну а чего еще делать-то? Ехать полдня, не меньше. И не в том дело, что карета бронированная – хотя и это влияет на скорость движения. Главное, это то, что тащимся мы посреди конвоя, состоящего из полтысячи наемников, а они едут ша-

гом, сопровождаемые фургонами, в которых находится все их имущество – начиная с запаса стрел и продуктов, и заканчивая маркитантками, которые здесь называют совсем не маркитантками. Другое слово, но суть та же. Или почти та же.

Я кстати даже и не знал, что наемники таскают с собой этих баб, младшей из которых лет двенадцать, старшей... хрен знает, сколько старшей – пятьдесят? Шестьдесят? Все эти особи женского пола фактически занимаются обслуживанием бравого войска – готовят пищу, чинят одежду, удовлетворяют сексуально, продают нужные вещи и купают трофеи (или награбленное, кто как скажет). Нормальная такая работа, и как выяснилось – семейное дело.

Откуда знаю? А разговорился с капитаном наемников, мужиком лет сорока, жилистым и узловатым, как старый дуб. Он сам ко мне подошел и пожал руку, сказал, что разбирается в вечном бое, и то, что я сделал – это было красиво. Ну, мы и поговорили, глядя на то, как снимается с места весь лагерь наемников. Немного просветился в реалиях жизни здешних ландскнехтов – можно и так их назвать, хотя дурацкую разноцветную одежду они не носят и презирают щеголей.

После моей дуэли с Ласселем и его отцом, Кордан тут же мне сообщил, что я могу требовать компенсацию от оставшегося в живых дуэлянта, которого очень даже разумно вылечил от ран. Ведь и он сам, и его сынок грубо нарушили

дуэльный кодекс, даже не просто воспользовавшись магией для достижения преимущества в бою, а вообще – применив против дворянина боевую магию! И это дело случая, что они не смогли меня одолеть! Так что кругленькая сумма за моральный ущерб будет мне обеспечена. Ну а нарушитель может вообще пойти под суд чести за такое отвратительное преступление.

Я переговорил с лже-Харгелем, который теперь на самом деле был Мастером, и тот во всеуслышание объявил, что как только вернется в поместье, тут же составит векселя на те суммы, которые он мне задолжал по условиям дуэли. А еще – так как он сам и его сын постыдно нарушили эти самые условия – Харгель должен мне выплатить сто тысяч золотых морального ущерба – по пятьдесят за каждого из нарушителей. Итого я должен получить... пятьдесят тысяч плюсом к этим ста тысячам. Кордан с искренним уважением сказал, что такого успешного бизнесмена как я – белый свет не видывал. И что если я пожелаю войти с ним в дело – место мне приготовлено. И кстати – в его последующих словах явственно слышался намек на то, что и он сам, и его супруга были бы не против иметь меня в качестве зятя. Ну да, выглядело это так: «Да, Петр, иметь такого зятя в своей семье – этого хотела бы каждая семья!».

Да, звучит двусмысленно – так же, как это прозвучало бы и на Земле. Ну ладно там его жена меня мечтает поиметь – я видел, как она на меня смотрит («Желаю продолжения бан-

кета!»). Но вот ему со мной точно ничего не обломится. Идут они нахрен со своими аристократическими извращениями!

В общем, я с облегчением покинул этот гостеприимный и любвеобильный дом, двинувшись в дорогу вместе с отрядом наемников. Им все равно оплатили за работу – какое дело бойцам до того, что драка не состоялась? У них посуточная оплата, плюс премии за участие в боевых действиях, плюс за ранения, плюс трофеи.

Итак, возвращался в город я не просто обеспеченным, а очень богатым человеком. Очень. Я ради интереса посчитал, что будут стоить эти самые золотые в пересчете на бумажки с портретами мертвых президентов. И вышло вот что: сто пятьдесят тысяч золотых – это семьсот пятьдесят килограммов золота. Если взять стоимость килограмма золота в долларах, округлив для удобства (эта цена держится уже много лет, я ее знаю), то получается шестьдесят тысяч долларов США за килограмм, и тогда я «заработал»... сорок пять миллионов долларов. Вот так. Прогулялся на природу...

Не скажу, чтобы это была такая уж большая сумма для олигархов вроде Кордана, или того же Харгеля – у них в загошнике, насколько я понял – миллионы золотых. Десятки миллионов! Часть из них конечно же в активах – рудники, мастерские, заводы и корабли, но часть и в живых деньгах, которые хранит Имперский банк. То есть – это самые настоящие миллиардеры вроде Билла Гейтса и иже с ним.

Но в сравнении с простыми людьми я феноменально бо-

гат. Крестьяне за всю свою жизнь не видят ни одного золотого, а тут... сумма просто невероятная.

Впрочем, эту сумму еще нужно получить. На руках-то у меня ее нет. Вот поймут, что Харгель на самом деле не Харгель, заблокируют его счет, его бизнес – и что тогда? Не буду я миллионером. Но лучше об этом не думать. Если на самом деле поймут, что с Харгелем дело нечисто – тут и мне конец придет.

Кстати – Кордан с огромным интересом расспрашивал, как это я сумел поставить силовую защиту против фэйрболов, и каким образом сумел уничтожить сына Харгеля. Если я вообще-то лекарь и артефактор, а никакой не боевой маг. Что я мог ему ответить? Что я некромант, и что знания о том, как надо кидаться фэйрболлами мне передал призрак Мастера? Ничего не сказал. Пожал плечами, и сообщил, что ранее я о таких своих способностях и не подозревал. И как они проявились – не представляю. Ну и все. Отстал. Только поглядывал на меня как-то странно, будто пытался вспомнить что-то такое.

Вообще, самое главное, что я узнал за последний месяц, это даже не то, как именно можно подселать призраков в чужие тела. Бабуля моя открыла мне глаза. Оказалось, что на самом деле нет никаких некромантов. Вообще – нет. Как класса. Есть просто маги. Сильные, слабые, со способностями в ту, или иную сторону. Некроманты – маги-универсалы, самые сильные среди магов, те, кому доступны практически

любые виды магии. А то, что кто-то назвал их некромантами за умение видеть призраков, общаться с призраками, за умение привязать тех к себе – это просто зависть. Зависть людей, неспособных и не умеющих.

Вот так и выродились маги – выбили самых сильных, оставили увечных «недомагов», и что в конце концов получили? Такими темпами лет через сто магии в мире не останется практически совсем. Ибо некому будет ей манипулировать.

Итак – еду, покачиваюсь на кочках, ощущаю щекой упругое бедро подружки, и мне хорошо. Ну а с чего мне должно быть плохо? По-моему, лучше и быть не может...

* * *

– Наконец-то приехал! – ректор внимательно посмотрел мне в лицо, недоверчиво помотал головой – Тут такие истории про тебя рассказывают! Хельга аж визжит, когда о тебе говорит, и слюни текут. Ненормальная, точно! Кстати, моя супруга заинтересовалась тобой, хочет пригласить на обед. Ты не против? Хочет послушать, как ты играешь на лютне.

– Я не против – сказал, а сам все усилия приложил, чтобы не сморщить нос. Ну вот нафига мне какая-то там старуха, которая желает меня посмотреть? Я ей что, жираф, или носорог зоопарковский? Но и отказать ректору как-то... неудобно. Во-первых, он ректор моего «альма матер».

Во-вторых, его дочка в меня влюблена, и считается моей

официальной подружкой – одной из трех, если быть точным. И в третьих... ну почему бы и нет? Сажу в четырех стенах, так почему бы не развеяться и не сходить в гости?

– Хорошо – с явственным облегчением вздохнул ректор – Вот закончим с твоими дуэлями, и я тебе сообщу, когда мы тебя ждем. Вернее – Хельга сообщит. А теперь к делам. Знаешь, сколько заявок на дуэли у меня лежит?

– Триста тринадцать?

– Старые сведения – усмехнулся ректор – Триста сорок три. И не удивлюсь, если их за эти сутки еще прибавится. Добавляются девушки.

– Девушки?! – я едва удержался, чтобы не присвистнуть – Девушки-то с какой стати?!

– Есть такая информация, что они хотят увидеть тебя голым, стоящим на городской площади – усмехнулся ректор – Всегда говорил, что в Академии тактики каждый второй, или каждая вторая – извращенцы.

– Когда первые поединки?

– Завтра. У нас на площадке, при наблюдателях со стороны Академии тактики и двух стряпчих. Ты готов к поединкам? Ах да... чего это я спрашиваю. Ты там усиленно готовился, да. Кстати, а не думал о том, что отец убитого тобой парня будет мстить?

– Пока не думал – вру, и не краснею – Как-нибудь потом подумаю. Могу идти? Или еще что-то? Мне с дороги надо помыться и переодеться.

Вот я и дома. Глупо, конечно – какой это к чертовой матери дом?! Так... двухкомнатный номер, в котором мне принадлежат только кое-какие вещички. Кстати, а вещичек-то набралось очень даже прилично. Пришел сюда с котомкой и сменой белья, а теперь... даже драгоценности имеются. Неплохо я тут «упаковался»...

В номере чисто, все вылизано – ни одной пылинки. А служанки не видать. Интересно, как она так умудряется – все сделать, но меня не встретить? И главное – зачем так делает? Боится, что заташу в постель? Хмм... ну... может и заташу. Так не насильно же! Сама хочет! Наверное нашла кого-нибудь, типа жениха. Кто там за ней увивался? Сын булочника? Печально.

Хотя – а почему печально? Девчонке надо замуж выходить, детей рожать. Что я ей? Случайный любовник, лекарь – больше ничего. Но все равно обидно. Хоть бы сказала – мол, я нашла себе парня, прости, больше никакого секса с тобой. Что, разве бы я не понял?

Понял бы, конечно. Но все равно попытался бы затащить в постель. А она бы не удержалась, точно позволила затащить. И прекрасно об этом знает.

В общем – все сложно. Или это я так усложняю? Привычка копать у себя в душе. Впрочем – не только у себя.

Стук в дверь. Ну, черт подери, вы хотя бы помыться дайте!
Ну кто там еще? Сонька, что ли?

– Это Хельга – сообщает мне призрак, который как всегда стоит на страже у моих дверей.

Иду открывать – эта вряд ли просто так сюда пришла. Может папаша прислал? Влетает, едва не сбив меня с ног. Ну вот же шепутная девка! Ничего не может просто так, без воплей и махания руками!

– Сидишь, и ничего не знаешь?! – начинает она с места в карьер – Весь город на ушах стоит! Все ждут, чем закончатся твои дуэли! Даже бургомистр в курсе! Да что бургомистр – все, все в курсе! Просили, чтобы их допустили на зрелище!

– Какое зрелище? – делаю я недоуменно-глуповатое лицо, одновременно отыскивая в шкафу большое мохнатое полотенце.

– Ну как – какое?! – ужасается Хельга, и тут же звонко хлопает меня по голой спине – Бесстыдник! Придуриваешься! И кстати – неприлично принцу встречать девушку голым!

Черт! И правда – задумался, и открыл Хельге голышом. Я уже в душ собирался, в дверях поймала. Хотел ей объяснить, что это случайность, ничего так сказать личного, но Хельга махнула рукой:

– Перестань! Шучу! Я тебя во всех видах видала! Ты лучше послушай, что происходит! Ставки на тебя делают! И против тебя! И вообще – они подготовили тебе ловушку!

– Вот как? – не удивляюсь я. Привык, что мне кто-то обя-

зательно строит козни. Ловушкой больше, ловушкой меньше...

– Вот так! – парирует Хельга – Одна девчонка у них есть, так вот, эта девка бьет всех парней, как детей. Говорят – у нее талант такой. Ты ее видел на балу – высокая такая, с тебя ростом. Силища – неимоверная! Юранда Оссан ее имя. И не только силищей она славна – скорость такая, что за движениями уследить нельзя. Поговаривают, что родители этой Юранды в детстве поили девчонку специальными лекарствами, вот она и стала такой... ненормальной!

– Красивая? – осведомляюсь я, становясь под лейку душа и открывая воду.

– Да какая разница, красивая, или нет? – возмущается Хельга – Она же тебя узлом завяжет!

– А где она была, когда мы дрались на балу? – спрашивая, подставляя лицо теплым струйкам.

– Пфф! Не было ее! Потому все и говорят, что если бы она была – нам конец! – фыркает Хельга, заходя в ванную комнату.

– Ты можешь мне составить список из пяти самых сильных бойцов? – прошу Хельгу, и тянусь за мочалкой. Девушка хватает мочалку, но не подает мне, а сует под струю воды и начинает намыливать.

– Составлю, конечно! – мочалка касается моей спины, и я застываю, наслаждаясь ощущениями. Вот если я когда-нибудь и женюсь, то лишь ради того, чтобы жена терла мне спи-

ну (и остальные части тела!) мочалкой, а еще – чтобы чесала под лопаткой и между лопатками. Что там секс?! Что вкусная еда?! Даже горячий борщ с плавающим в нем маленьким белоснежным островком сметаны отступает перед этим наслаждением!

О эти мурашки, бегающие по телу! О эта рука с мочалкой, касание которой заставляет тебя стонать от наслаждения!

Интересно, как они это делают? Ну... женщины. Как можно исхитриться сбросить с себя одежду одной рукой, да еще и продолжая тереть мои бока мочалкой?!

Нет, я не железный. Нельзя меня так испытывать, притом что теперь я собираюсь следовать заветам «старших». Как там Сонькина мама сказала? Живи сейчас? Безумствуй, развлекайся, веселись? Ну вот я и повеселился... на полную катушку. Ага, на полную.

* * *

– Ну что, стоило того? – спрашиваю, успокоив дыхание.

– Ты то же самое Соню спрашивал – хихикает Хельга – Кстати, кто из нас лучше?

Молчу. Скользкая тема. Теперь я спрашиваю:

– Не передеретесь? Ну... с Соней?

– Зачем? – удивляется Хельга – Наоборот! Крепче дружить будем! У нас теперь есть кое-что такое, что нас объединяет! Мы теперь как сестры!

Лежу, думаю о странностях поведения этих девиц. Может таков местный менталитет? Что-то на Земле я не замечал у девушек, женщин готовности делиться своими мужчинами. Хотя... что я знаю о женщинах? Кто мне стал бы докладывать о том, что они думают и делают?

Вот я – это другое дело. Собственник. Никому не отдам ту, которую считаю своей женщиной. И по-моему это нормально. Хотя и не осуждаю тех, кто поступает иначе. Кто я такой, чтобы осуждать? Нравится людям делиться своей женщиной с другими мужчинами – да флаг ему в руки. Главное, чтобы мне не мешал жить, и чтобы его женщина не была против. А то, что они делают в своей ячейке общества, как развлекаются – это их личное дело. «Толерантность» – слово нехорошее, имеет некий голубой оттенок, но тут совсем другое дело. Терпимость к причудам окружающих тебя людей – это путь к миру.

Да, странные мысли для вояки, который почти всю свою сознательную жизнь занимался тем, что лишал жизни людей, но вот такие у меня принципы.

Мы провели в постели еще час. Занимались сексом, болтали о том, о сем. Я знал, что Хельга остра на язык, и что за словом в карман не лезет, но... неожиданно выяснил, что она еще и довольно-таки неплохо образована. Много знает о мире, о том, что происходит вокруг Империи и внутри страны. Странно, конечно же, слушать пространные рассуждения о политике, лежа рядом с обнаженной девушкой, и положила ру-

ку на ее бедро, но... почему бы и нет? Умные люди в любом месте найдут интересную тему для обсуждения. Даже между «подходами» в любовных упражнениях.

Вообще-то все три мои девчонки на удивление умные, даже слишком. Рассуждают как взрослые, а ведь им 16–20 лет! У них ветер в голове должен гулять! А тут...

Хотя чего это я туплю – у них тут совершеннолетие наступает в пятнадцать лет, а замуж выходят и раньше. У многих в пятнадцать уже есть ребенок, а то и два. И этим, между прочим, здешний мир ничем не отличается от земного средневековья.

Выяснив, что я собираюсь пойти в трактир «Якорь» чтобы разобраться с кое-какими непонятками, Хельга быстренько выскользнула из постели, и объявила, что в трактир мы идем все вместе. Она точно пойдет, а пойдут ли подруги – не знает. Но узнает. И чтобы я не смел уходить один – меня отловят и подвергнут наказанию.

Какому именно наказанию – спросить не успел. Наскоро натянув на себя одежду, Хельга унеслась из моего номер так, будто за ней гналось целое воинство демонов. Ну а я снова пошел в душ – после наших с Хельгой игрищ требовалось смыть с себя «следы преступления», отчетливо доказывающие тот факт, что по всем формальным признакам Хельга до сегодняшнего дня являлась девственницей. До нашей с ней сегодняшней встречи.

Я собрался за двадцать минут (Хельге сказал, что буду го-

тов через сорок), и только лишь собрался тихо ускользнуть – как в дверь заколотили, и через несколько секунд ко мне в номер вломились все три мадамы, почему-то решившие, что они имеют право «застолбить» мой организм в свою так сказать собственность. В принципе это меня не особенно и напрягало, но время от времени ставить на место зарвавшихся девиц мне все-таки придется. Чую, все к этому идет. Не люблю я, когда на меня нажимают. Вот сегодня, к примеру, они мне в трактире нафиг не нужны. Я бы сходил туда, кое-что выяснил, и вернулся обратно. А теперь что?

Слава богу, хоть оделись не вызывающе, довольно-таки скромно – понимают, куда идут. Кстати – после того нашего похода с Сонькой девки просто обзавидовались. И пофиг, что Соньку тогда кто-то отравил наркотой. Готовы все стерпеть, лишь бы...

Мда. Не понимаю, такой настойчивости. Ну да, «некромантская» притягательность, но не до такой же степени! Неужто и правда влюблены? Никогда я не пойму женщин.

Пока шли по коридорам, с нами все здоровались, особенно со мной. «Привет, Пет!» «Петр, привет!» «Син, давай, покажи им!»

Нет, насчет «показать» – имелось в виду не мои три подруги, гордо вышагивающие рядом со мной и натянувшие на физиономии маски спесивой надменности. И не некая часть моего организма. Это было сказано по поводу завтрашних дуэлей.

Кстати сказать – по дороге заскочил к ректору и назвал ему пять имен – вот с ними завтра и буду выяснять отношения. Думаю, что больше драться и не понадобится. Соберу бабло, да и... хватит дуэлей. Что за глупая традиция, этот мордобой из-за пустяков? Честь, понимаете ли! Честь – это когда ты выполняешь свой долг во что бы то ни стало. Когда ты держишь свое слово, когда ты не даешь в обиду слабым. Вот это честь! А драться из-за того, что тебе случайно наступили на ногу, или потому, что задели неосторожным словом... глупо, уверен в этом.

* * *

– Привет, Пет! – Аллен широко улыбается, хлопает меня по плечу, потом замечает девушек, что пришли со мной, и у него отвисает челюсть – О Создатель! Да где ты берешь таких красоток! Это же... нельзя так!

Потом смотрит мне в лицо, и радостное выражение сменяется озабоченным:

– Что? Что случилось? Ты чего такой хмурый?

Я гляжу в глаза Аллена, и не нахожу в них лжи. Неужели он умеет ТАК маскироваться? Неужели я не прав?

– Аллен, это ты? – говорю спокойно, наблюдая за поведением друга. Или бывшего друга?

– Да что – я?! – приятель раздражен, и я вижу – искренне недоумевает.

Садимся за столик, благо что мест еще много, и я рассказываю Аллену о том, что случилось с Соней. Аллен вначале таращит глаза, слушает меня с открытым ртом, а по ходу повествования лицо его все больше мрачнеет, и когда я заканчиваю свой рассказ, спрашивает у меня, кривя губы в злой гримасе:

– Пет, почему ты считаешь меня такой тварью? Как вообще ты мог подумать, что Я могу сделать такое?! Я что, дал повод это думать?

Сижу, молчу. Мне не по себе. И правда – почему это я вдруг подумал про Аллена? Извиняюсь. Аллен хмурится, и холодно принимает извинения. Ну а потом мы начинаем вспоминать – кто с нами контактировал, кто приносил еду и вино, и кто теоретически мог такое сделать. А еще – не случилось ли в трактире за последние дни нечто такое, что выпадает из обычного ряда событий. И тут же получил ответ: убили молодую проститутку. Зарезали той ночью, когда пострадала Соня.

Я помню эту девчонку – довольно-таки симпатичная, еще не потрепанная – она строила мне глазки и предлагала ублажить бесплатно. И очень расстроилась, когда я вежливо отказался от ее предложения. И еще вспомнил, что она вертелась рядом, когда мы в тот вечер развлекались с Соней.

Как выяснилось – эту шлюшку тем вечером снял некий мужчина, лица которого само собой никто вспомнить так и не смог. Он поднялся с ней в номер, а потом как-то тихо и

незаметно исчез, оставив после себя труп с перерезанной от уха до уха глоткой.

Пазл сложился. Можно было бы сходить наверх, туда, где вполне вероятно сейчас стоит призрак этой девушки – если стоит, конечно же, а не отправился на тот свет. Но вряд ли это мне чем-то поможет. Я и так догадываюсь, кто это все устроил. И зачем. А то, что призрак подтвердит мои предположения, мне ничего не даст. Пришел неизвестный мужчина, пообещал некую сумму за то, чтобы девица нас траванула. Ну и что? Все равно он не сказал, что прибыл по поручению Элронов. Другое дело – почему не использовал обычный, быстродействующий яд? Хотя и тут понятно – мы должны были уйти из трактира своими ногами, и чтобы подозрение пало на меня. Умерла Соня – и это моя вина. Я ее возбуждал всякой дрянью, я и виноват.

Впрочем – может все и совпало. Шлюшка хотела мне отомстить за невнимание, а ее убийство – это абсолютная случайность. Такое бывает со шлюхами – их бьют, и даже убивают. И это все случается вовсе даже не редко.

Главное, что я выяснил – это не Аллен. Чувствую всей своей душой, и... магией. Да, я стал чувствовать, когда мне врут. Сила растет. Бабушка, кстати сказать, меня об этом предупредила. И еще сказала, чтобы я не выпендривался и не показывал свои способности больше, чем нужно. Может дурно закончиться.

Ну а с Элронами я разберусь. Знаю, как это сделать. Те-

перь – знаю.

Глава 2

Мне снится страшный сон. Я такой маленький, так крохотный, что даже Соня возвышается надо мной как жираф над капибарой. Сониная ладонь огромна, рука девушки тянется ко мне, накрывает рот, нос... мне трудно дышать! Я задыхаюсь, пытаюсь освободиться, и не могу! Рука сильная, а я слаб, как младенец! Дергаюсь, извиваюсь, пытаюсь вдохнуть, и... просыпаюсь.

И в первые две-три секунды не могу понять, что происходит. Во-первых, на мне что-то лежит. И не просто на мне, а на голове, практически полностью перекрывая доступ воздуха. Что-то упругое, гладкое, пахнущее ароматными притираниями. Промаргиваюсь, и осторожно выползаю из-под этого самого «упругого и гладкого».

Сонька. Лежит лицом вниз, раскинув в стороны руки и ноги – ну сущая морская звезда! Правая нога ее и была тем самым «гладким и упругим», что так удобно улеглось мне на лицо.

Как я оказался под Соней... это загадка века. То ли она поползла на меня, то ли я подполз под нее... Наверное, эта загадка останется неразгаданной, как одна из самых недоказанных теорем. Какую там не доказали? Теорему Ферма? Вот к ней присоединилась еще одна теорема – как это Сонька заткнула мне рот и нос своим крепким бедром. Хорошо хоть

не попой... хотя если бы перевернулась на спину – точно бы оказался под попой. Так-то я не против ее попы, скорее наоборот, но дышать-то ведь нужно?

Моя кровать, обычно покрытая таким чистеньким и выглаженным бельем (его тут еще и крахмалят – зачем-то!), представляла собой пепельницу, загруженную окурками после знатной вечеринки. Простыня – жгутами и комьями, выпачкана чем-то бурым. Чем? Вином? Вряд ли. Скорее всего тем, чем испачканы бедра Фелны, которая сейчас лежит поперек кровати. Кстати, ее ноги лежали на моем животе.

Хельга тоже здесь, она укрывает глаза Фелны от утреннего света – примерно так же, как это делала со мной Сонька, только как бы это сказать... поосновательнее, поцентральнойее. Извращенки... Все три «окурка» голые, лохматые и перепачканные, будто их катали по мусорке. У Хельги из уголка рта тянется широкий след засохшей слюны – до самой шеи. Если это, конечно, слюна...

Внезапно в голову толчками ударила боль – БАМ! БАМ! БАМ! Не выдержал, схватился за виски обеими руками и пошатываясь потащился к зеркалу – может мне башку разбить?! Чего так болит-то?!

Посмотрел на себя в ростовое зеркало, и меня затошнило. Мои великолепные платиновые волосы настоящего принца торчат вокруг головы примерно так же, как на известной фотографии Эйнштейна. Только чуток погуще, да подлиннее. Я даже не выдержал и показал самому себе язык – ну просто

гений, да! Умище в отражении не видать, но начало положено.

Рожа... о господи... да такой рожи у меня не было наверное с того самого момента, как я появился в этом мире! Опухшая, перекошенная, глаза налиты кровью – то ли по башке прилетело, то ли с перепоею, а может и то, и другое сразу. Щека в засохших бурых потеках и следах губной помады. Да, здесь тоже используют помаду, только тут все натуральное, никакой «химии».

В помаде и щеки... хмм... и все от подбородка до... коллен. Внизу живота – четкий след губ, маленьких таких губ... знакомых. И сейчас почувствовал – саднит... в одном месте. Натер! Оно и немудрено... с тремя-то.

Прихрамывая, тащусь в душ. Открываю воду, встаю под теплые струи, тщательно смываю следы вечерних и ночных безумств. Мда... Мозилла, под твоим чутким руководством, под твоим направляющим и... хмм... в общем – побезумствовали всласть. И похоже что Фелна все-таки добилась своего, рассталась с застарелой девственностью. А меня эти три демоницы просто изнасиловали.

И кстати – я совершенно не помню, как все происходило. Настолько был пьян, что в голове только отдельные картинки, мельтешение, голоса и стоны. И больше ничего.

Та-ак... придется вспоминать. Терпеть не могу такого вот... безобразия! Нет, я не про наши кувыркания в постели, я про пьянку и последующие провалы памяти. Вообще-то

тем я всегда и отличался, что не терял голову и не напивался, как свинья. Что случилось в этот раз?

Итак, трактир. Мы уселись за стол, Аллен заказан самого лучшего вина. Шутили, разговаривали – Аллен «строил глазки» Хельге, а та незаметно подмигнула мне, и начала разводить парня на «любофф». Типа – он ей нравится, но я сижу как собака на сене. А так бы... полный разврат и охи сахами. Девки конечно же были в курсе, они улыбались, хихикали и перемигивались.

Ведь хорошие девчонки, я знаю! И душевные. Но при этом злобные, как гиены! Развести мужика, выставить его дураком, посмеяться над ним – это в ранге положенности. Ну как так? Я даже не выдержал и показал Хельге кулак. Но она только плечами пожала и продолжила томно вздыхать и делать красивые позы, обозначая линию талии и глубокими вздохами приподнимая немалую грудь. Кстати – третий размер, не меньше. У Соньки почти пупырышки, в ладонь помещаются, у Фелны размер примерно второй, а у этой – ну такие... хмм... холмы! Просто как с картинки. И между прочим – не отвисают. Я даже как следует прощупал, когда мы с ней были в постели – неужто натуральные, не протезы, какие впендюривают наши модели? Нет, точно – настоящие. У меня однажды была женщина со вставленными грудными протезами. Ощущение, честно сказать... не очень приятное. Ты ЗНАЕШЬ, что у нее там силикон. Будто резиновую игрушку щупаешь...

Не понимаю – зачем так делают? Маленькая грудь? Да большинство мужиков любит женщин с маленькой грудью! Как говорил мой знакомый (служили вместе) Славка: «Женская грудь должна уместиться в ладони!». Я лично никогда не обращал внимания на размер груди. Мне всякие нравятся.

Вот когда груди висят тряпочками, когда это пустые мешочки – тогда я еще понимаю, можно и спротезировать. Да и то... я не в курсе, но наверное можно как-то их подтянуть? Не всегда же нужно вставлять силиконовые мешки? Ну, я могу и ошибаться.

Дальше – я играл на сцене, взяв лютню Аллена. Он буквально выпихнул играть, видимо рассчитывая на то, что девки кобенятся и не дают ему потому, что стесняются злобного меня. А стоит ему устранить злого ворка – и тут же он трахнет девок прямо на столе. Ну или у себя в комнатухе.

Я поиграл – вначале сыграл свою любимую канцону Вавилова, спел «Город золотой». Потом – «Ветром тронуло струну». После – про принца, который ищет Правду. Спел и ту песню, которую сочинил для Соньки – она даже вскочила с места, подбежала ко мне, под громкие вопли и аплодисменты впиалась мне в губы долгим поцелуем, и не отпускала минимум минуту. Народ вопил, радовался, даже хором считали – сколько продержится этот поцелуй, а некоторые совсем уж отмороженные предлагали мне «трахнуть девку» прямо на сцене, обещая осыпать меня серебром за такое зрелище.

Народу очень понравилось. Эти грубые, жесткие, как ста-

рая подошва наемники и корабелы в глубине своей зачерствелой души сентиментальны и очень любят нечто пафосное и красивое. Я это прекрасно знаю еще с Земли. Стоит найти нужную кнопчку, нажать на нее, и понеслось – слезы на глазах, и ты их лучший друг и брат. Ну вот, к примеру, спел им «Сагу о наемниках»:

Налейте наёмникам полные чаши —
Им завтра снова в поход.
Привыкший сражаться не жнёт и не пашет,
Иных хватает забот.
Он щедро сулил, этот вождь иноземный,
Купивший наши мечи.
Он клятвы давал нерушимее кремня,
Сильнее чем солнца лучи.

Это стихи Марии Семеновой, на них песню сочинили. Я взял музыку той песни, перевел, как мог, ну и... вот. Так вот прослезились, черт подери! Я сам видел, как утирали слезы!
А потом «Балладу о трех сыновьях»

В краю средь гор и цветущих долин
Текла река, исчезая вдали.
Прекрасней не было страны,
Где рождались баллады и сны.

В дорогу звал глас таинственных гор.
Три сына там покидали свой дом.

Один был горд, другой – упрям,
А третий был сердцем смирён.

Слова Отца были грусти полны:
«В любви моей вы росли, как цветы.
Что ждёт вас там, в чужих краях?..
Да хранит вас молитва моя»

После того, как народ прослушал эту песню – началась небольшая такая, локальная драка. Наемник со шрамом на щеке доказывал соседу, что отец был совсем не прав, когда доверил управление государством какому-то лоху педальному, сохранившему любовь и всякую такую чушь. Потому что управлять государством в белых перчатках нельзя. И что только первые два сына могли бы управлять страной.

Слово за слово... двое остались лежать на полу с разбитыми физиономиями, еще двое утирали морды, разбитые в кровь.

Кстати, я согласен с наемником. Глупая песня, хотя и нравится народу Нельзя ставить во главе государства какого-то рохлю. Дурно это все закончится. Там нужен или бизнесмен, или воитель. Иначе сожрут, лишат трона – не добрые соседи, так само окружение короля.

Ну а дальше понеслось вскачь. Я еще много играл и пел, потом мы с девчонками танцевали – и Аллен получил по роже от Хельги (а нечего хватать ее за задницу), а потом... потом я ничего не помню. Ну... почти ничего! Так, урывками.

Мы все нажрались до пороссячьего визга, и если двигались вертикально, то лишь потому, что поддерживали друг друга, а еще – на своей железной воле, упрямстве и спеси. Ведь курсант академии, маг и будущий офицер не может валяться на земле, как свинья в луже! Он должен стоять до последнего, даже сраженный почти до смерти коварным напитком, придуманным врагами родины.

Путь до Академии выпал из моей памяти, всплывали только отдельные сцены. Вот мы выходим, горланя какую-то балладу, целуемся, обнимаемся с Алленом – тоже, кстати, ужравшимся вхлам. Он обещает жениться на Хельге, и даже почти ей не изменять. И сделать девушке минимум пятерых детей.

Потом картинка – мы деремся. Смутно так вспоминаю – человек десять наемников пожелали потискать шлюх, которые сам собой будут рады вниманию настоящих мужчин – грубых, воняющих пивом и наркотой. А не каких-то там лощенных принцев, бренчащих по струнам. «Шлюхи» тискаться отказались, и предприняли недружественные действия ограниченным контингентом, визжа и прыгая, как стая обезьян. Не скажу, чтобы мы в этом сражении были так уж безупречны, но наемников все-таки положили – не без помощи Аллена, который радостно включился в процесс.

Шатаясь, продолжая горланить, мы все-таки дотащились до КПП Академии. Как шли – убей, не помню! Помню губы девчонок – мы время от времени останавливались и целова-

лись, и эти демоницы предлагали никуда дальше не ходить, а устроить оргию прямо в кустах – все равно темно, и к тому же на всех плевать. Помню, что предложение отверг, сообщив, что все кустики в городе крепко «заминированы» дермом. Так что предложение было признано убогим.

В Академии горланить не стали – тихо прокрались по коридорам, хихикая и шикая друг на друга. Кстати, пришлось на КПП отдать пару статеров – само собой, к отбою мы катастрофически опоздали, притащившись как минимум к трем часам ночи.

Почему, кто предложил толеой завалиться ко мне в комнату – не знаю. Завалились, и все тут!

Так же не помню, что происходило на кровати. Вообще, я всегда был против пьяного секса. И ощущения притупляются, и потом, когда проснешься – будет мучительно больно смотреть на то чудовище, которое ночью тебе казалось молоденькой моделью, а поутру стало бабой ягой в последней стадии ожирения.

Насчет последнего все нормально – эти три демоницы хоть пьяные, хоть трезвые, хоть вымазанные в пыли и перьях все равно выглядят так, что позавидует любая моделька, над которой два часа работала толпа визажистов. Молодость и красоту не скрыть никаким макияжем. Но... было обидно за ту же Фелну – лишиться девственности можно только один раз. И я всегда считал, что это должно быть красиво обставлено. Например – свечи, лепестки роз в ванне, бокал шам-

панского и ласковые поцелуи любимого. А не визги, хихиканье подружек, которые дают тебе советы как лучше это все устроить, и покровительственно хлопают тебя по заднице, вслух комментируя происходящее и вспоминая то, как это было у них.

Да, кое-что вспомнил, и мне даже стало немного стыдно. Лучше бы я поддался раньше...

Кувыркались мы похоже что до утра – я даже грешным делом подумал о том, что похоже на то, как если бы нам снова подсыпали того самого снадобья. По-хорошему после такой пьянки мы должны были спать, как убитые, а не устраивать секс-марафон! А вот поди ж ты... успокоились только тогда, когда первые лучи солнца прилетели в мои окна. Представляю, чего наслушались наши соседи по коридору! Одна девица может разбудить все общежитие, а когда их три, да еще и с поехавшей крышей... брр!

Итак, стройная картина вчерашних безумств выстроилась последовательно, начиная с первых минут нашего нахождения в трактире. То, что я кое-что забыл о прошедшей ночи... может и надо было бы это забыть. Честно сказать, такого разнузданного безобразия в моей жизни еще не было. Ни в одной из моих жизней.

А девчонки-то, девчонки что творили! Черт подери, как они будут смотреть в глаза друг другу и мне, грешному? Когда проснутся, естественно. Как с цепи сорвались, точно. А я еще скептически слушал их рассказы о том, что творится в

Академии, когда никто не видит. Как отрываются домашние детишки, впервые вырвавшиеся из дома на свободу. Думалось – преувеличивают. А вот и нет!

От «своих» девок я точно такого не ожидал. Где только научились всему этому, чертовы девственницы?!

Подумав немного, напустил воды в ванну, и улегся в нее, следя за тем, чтобы случайно не захлебнуться, когда выйду из тела. И потом с полчаса залечивал боевые раны. Все-таки прилетела мне плюха, и похоже что не одна. Драться в пьяном виде – что может быть глупее? Нет, в дальнейшем я такого больше не допущу!

И тут же едва не захохотал, вдруг вспомнив, как Сонька напрыгнула на бородатого, заросшего по самые глаза наемника и вцепилась ему зубами в ухо. Вот он орал! Похоже что чертовка это самое ухо напрочь откусила.

А я что-то пел, когда дубасил этих придурков. Кстати – все костяшки пальцев сбиты, и кисти рук распухли. А мне, между прочим, сегодня на дуэль идти! Да не на одну! Хорошо хоть назначили на два часа дня, а не с самого утра. Иначе я бы выглядел очень непрезентабельно. Как кусок дерьма.

Едва успел вернуться в тело. Кстати, надо было закрыть дверь в ванную. Первой ввалилась Сонька – лохматая, как веник. Зевает, почесывается там... где и положено почесываться с похмелья. Глаза мутные – по-моему девица поднялась, но проснуться забыла.

– Привет! – Соня встала под струи воды, и стала мыться,

не обращая на меня ровно никакого внимания.

– Привет! – это ввалилась в ванную комнату Фелна, и пошатываясь уцепилась за Соньку – Ой, что-то мне плохо! Подташнивает! Наверное, пироги были несвежими!

Я начал хохотать, и девушки с осуждением уставились на меня, как будто я вдруг начал веселиться на похоронах.

Хельга появилась через минуту – тупо уставилась на меня, и утробным голосом вдруг сказала:

– Ты ненормальный! Ты маньяк! Ты только посмотри, что сделал с девушками! У нас все болит – внутри, и снаружи!

Я чуть не утонул. От хохота обессилел, сполз в воду, хотя вроде и налил-то совсем не много, и не мог успокоиться еще минуты три – как гляну на серьезные, скорбные личики девиц, так меня сразу не хохот пробивает.

А еще, внезапно почувствовал возбуждение. Три красивые девицы, без малейшей искусственности, деланности, ненатуральности. Три цветка... пусть и слегка примятых моим каблуком. Или чем-то другим. Ну до чего же они хороши! Пришлось глаза закрыть, дабы избежать дальнейшего развития событий. А оно могло быть только одним, это развитие.

Потом я их лечил. Сам-то уже чувствовал себя просто великолепно – убрал и ушибы, и алкогольную интоксикацию. Хельга даже сказала, что я выгляжу до отвращения здоровым и веселым. Таким нельзя быть после попойки – это укор всем остальным ее участникам, и гнусное глумление над людьми.

Ну, ничего... лечение не заняло много времени. У всех

девочек нашлись синяки – я сначала-то и не разглядел, когда они валялись на постели, как окурки в пепельнице (благо, что кровать огромная). Но когда начал лечить, обнаружил – у Соньки здоровенный синяк на спине, сказала, что ее достал ногой один из придурков-наемников.

У Фелны – синяк под глазом, на скуле, синяк на левой ягодице, и два кровоподтека на голени.

А больше всего досталось Хельге – у нее здоровенные синячины на бедрах прямо возле ягодиц, синяк на боку, на скуле, и припухшая губа.

Кстати, как она ядовито мне сообщила – синяки на бедрах моих рук дело. Не надо так вцепляться в девушку, она не деревянная! И не убежит, если сама встала на колени! А когда я попытался отбиться от неправомерного наезда, обе других страдальцы с не меньшим злорадством подтвердили, что эти синяки в буквальном смысле слова дело моих рук. И что я выглядел как маньяк, который желает до смерти обиходить несчастную жертву. Грубый мужлан, жеребец, которому... не надо сдерживать свои порывы, потому что именно за это они меня и любят.

Мда. Сплошные противоречия! И как так жить?!

На занятия мы не пошли. Отлеживались, отстаивались, от... в общем – вылезли мы из номера только к обеду. И на завтрак не пошли.

Пришлось еще раз идти мыться – само собой, мы не просто так отлеживались. В этот раз я постарался сдерживать

себя, и не показывать свою жестокую натуру маньяка. Что по-моему не очень понравилось моим утонченным, интеллигентным подругам. Хельга даже с иронией спросила: «И где твой ночной темперамент?! Выдохся, что ли?» На это провокационное замечание я отвечать не стал, и в общем-то все получилось очень хорошо. Эдак по-семейному. Встали с утречка, решили вопрос без спешки, со всем вежеством, и поехали по делам. Хватит разнузданных оргий! Даешь оргии семейные, раздумчивые и тихие! Ибо нехрен.

Девчонки выходили от меня по одной, вначале разглядывая коридор через щелку между дверью и косяком. Глупо, конечно же. А то никто не видел, как мы вчера ввалились в Академию «на бровях». Секрет, понимаете ли! А потом кое-кто стонал и орал, как стая гусынь. И теперь они крадутся, аки тати в ночи. Ох уж эта женская нелогичность... я бы на их месте шел гордо, с поднятой мордой! Кому какое дело, где был? И с кем? Идет вы все...!

Ну, все идут в одно место, а я отправился в другое. В ректорскую. Получать ценные указания.

И получил.

– Вы с ума сошли, курсант Син! Вам сегодня предстоит на дуэли встретиться с лучшими бойцами Академии Тактики, а вы что делаете?! Устраиваете пьянку в трактире! Разнузданную оргию у себя в апартаментах! Да, да, не делайте такое лицо – вас слышала вся Академия!

И тут же, наклонившись вперед, шепчет:

– Если Хельга залетела – я тебя сгною! Я сделаю все, чтобы ты сдох! Я лично тебя убью! Я тебе яду подсыплю в чай! Я тебе...

Он долго перечислял способы уничтожения моего бренного тела, а я терпеливо слушал и сдерживался от зевка. Что ни говорю, а ночка была бурная, спал я всего часа два, а то и меньше. А то, что он меня ругает и обещает прибить – так на то и отец. Я бы тоже орал за свою дочку, и еще не так. Интересно, Хельга применяла амулет от беременности? Вроде бы разговор такой был. Вот только разговор одно, а реальное применение – совсем другое. Но тут уж... я ни причем. Не надо было меня так заводить. И вообще – прерванный половой акт вреден для здоровья мужчины.

Прооравшись, ректор успокоился и уже нормальным голосом начал обсуждать дела наши скорбные. А именно – кого мне нужно в первую очередь глушить на дуэли. И как бы между делом сказал, что по собственной инициативе в ответах на вызов заменил компенсацию за отказ от поединка до двухсот золотых. А штраф за отказ от выполнения обязанностей после проигрыша – до трех тысяч.

Я так и сел. Вот же знатный барыга! Я всего лишь хотел отбиться от посягательств желающих покромсать мое белое тело, а он это все превратил в кормушку! Пятнадцать процентов – Академии. Вот жулье! Одно мне нравится – этот старый выжига не сомневается, что я выиграю, иначе бы он так не рисковал. Но теперь сомневаюсь я – а с чего решил,

что могу выиграть всегда и везде?

Впрочем, пусть даже так – найдется некто, кто поставит зарвавшегося меня на место. Побьет супостата. И что будет? Ну, отстою голым на площади несколько часов, да и всех делов! Плевать, да размазать. Не сглазят, черт подери. Пусть полюбуются на мои достоинства, извращенцы проклятые. Бой все равно не до смерти, так что...

Настраиваться на проигрыш не следовало, я выругался (про себя), и осведомился у шефа, сколько желающих нанести мне моральный и физический вред имеется в настоящий момент. И получил ошеломляющий ответ: четыреста двадцать девять бойцов!

Твою мать... да это же практически вся Академия Тактики! И кстати – когда ректор успел окучить всю эту массу народа?

И тут он со вздохом признался, что провести такую работу было практически невозможно, ему пришлось привлечь несколько стряпчих, отдать им приличные деньги, задействовать кучу курьеров, так что если я, как идиот, позволю себя убить или покалечить в первых же боях – он меня прибьет, а потом помочится на мой труп. Ибо это будет не только финансовый ущерб для Академии, но и падение ее престижа. И меня возненавидят все, кто меня знает.

То, что моему обоссанному трупу будет глубоко плевать на то, как его ненавидят – я говорить не стал. Как и убеждать в том, что обязательно выиграю поединки. Считать неполу-

ченные доходы тоже не собираюсь – нет лучшего способа испохабить бизнес, как начать считать и распределять деньги, которые ты от этого самого бизнеса должен якобы получить. Спугнуть удачу – это легче легкого. Не надо гневить Провидение.

От ректора я потащился в свой номер, раздумывая о превратностях судьбы, и о том, что как-то слишком уж лихо все пошло-побежало. Не сломать бы ногу на кочке... Все ли я учел?

Глава 3

– Слушай, Пет... а все-таки... что ты там такое пел, когда мы били наемников? – Соня усмехнулась и попыталась изобразить. Вышло у нее вполне недурно – «Врьягуу не сдаецца наш горьдий Варьяг...» Это что, какое-то заклинание? Ты их заколдовывал?

Я сжал зубы, но губы дергались – едва сдержался, чтобы не расхохотаться. Точно, вспомнил! Было такое! Вот нельзя мне напиваться, нельзя!

– Ну... что-то вроде заклинания. Нашел в старой книге – поясняю серьезно – Это для поддержки воинского духа. Говорят, в давние-предавние времена воины, выходя на поединок, распевали эту песню, готовясь к смерти и отгоняя мысли о поражении. Помогало!

– Надо запомнить – задумчиво кивнула девушка, и пристав на цыпочки, поцеловала меня в губы – Давай, держись... мы за тебя переживаем! Будь осторожен!

– Будь осторожен! Будь осторожен! – эхом повторили Хельга и Фелна, и тоже меня поцеловали.

Хорошо. С такой-то поддержкой – как мне можно проиграть?

– Я поставила тысячу, как ты и сказал! – это Фелна.

Я попросил ее поставить на меня, на то, что не проиграю ни одной схватки. Вексель лежал у меня в шкафу. Ставки

принимали официально, оказывается, здесь есть что-то вроде гильдии букмекеров, которая принимает ставки. Я решил рискнуть. Ну а чего... деньги-то у меня есть! Проигрывать я не собираюсь, так что...

– Син! – знакомый голос едва не заставил меня вздрогнуть, так громкой он прозвучал – Иди сюда, на пару слов.

Рогс. Хмурый, можно сказать черный, как туча. И чего так расстраивается... Отхожу от девчонок, которые тут же сделали такие физиономии, будто откусили от бруска мыла. Понимаю – любопытно же!

– Син! – тихо говорит Рогс – Тебе готовят ловушку.

– Знаю – пожимаю я плечами – Какую-то девку выставили... чемпионку.

– Какую, к демонам, девку?! – шипит Рогс – Все о девках думаешь! Один разврат на уме, демоны тебя задери! Я бы пожелал, чтобы тебе башку разбили, если бы ты не защищал честь нашей Академии! Какой бы ты ни был... а все равно – наш! Слушай внимательно! Они притащили сюда лучших бойцов! И не Академии лучших бойцов, а для замены! Ну что ты так смотришь? Сам ведь недавно участвовал в такой дуэли! Можно, можно заменять, это не возбраняется кодексом. Трех бойцов подряд выставять наверное не будут, но одного – запросто. Есть информация, что притащили пятерых профессиональных бойцов, что выступают на Арене, и тех, что уже не выступают.

– Но это же... бесчестно! – искренне возмутился я – Тут

ведь речь не о простой дуэли, а о дуэли между курсантами!

– А какая разница? – вкрадчиво спросил Рогс – Все уже знают о том, что ты убил Ласселя и победил его отца. А перед этим прикончил призовых бойцов. Никому не хочется платить такие деньги, или стоять голышом на площади. Честь, говоришь? Тут уже не честь, тут уже деньги! Итак, слушай: вначале пойдут те, кто попытается тебя свалить лично. Первой будет их чемпионка. Следом – начальник службы безопасности. А уже потом – призовые бойцы. Один – это точно, но могут быть и два, и три. Задача – не просто тебя свалить, а еще и искалечить, а может даже убить. Последнее – самое лучшее. И только не говори, что тренировочным мечом убить нельзя!

Я и не говорю. Пальцем можно убить, а уж килограммовой стальной дурой – это без всякого сомнения. Опять же, если только вспомнить великого Мусаси – он деревянной палкой уработал чемпиона. Что уж говорить о железяке. Все равно как арматуриной врезать, только еще хуже. И пусть конец тренировочного дуэльного меча закруглен – и его можно в ребра воткнуть. Ох, судьбинушка... ну почему мне не живется спокойно?

– Выдержишь? – смотрит на меня испытующе, серьезно, и даже доброжелательно. Оно и понятно – мы в одной лодке. Если ты болеешь за Альма Матер – значит, болеешь и за меня.

– Постараюсь! – киваю Рогсу и улыбаюсь как можно более

доброжелательно – Ну а что мне еще остается?

– Да... что тебе еще остается? – задумчиво тянет Рогс, кивает и уходит туда, где сидят преподаватели Академии во главе с ректором. Ректор, кстати сказать, смотрит на меня. Хотел помахать ему, но решил, что это будет слишком уж вызывающе. Даже нагло. Не тот у меня статус, чтобы махать ректору.

– Что, что он сказал? – кидаются ко мне девчонки, но я молчу, и только лишь отмахиваюсь. Какой смысл рассказывать им о нашем разговоре? Волновать лишнего. На ситуацию это никак не повлияет.

* * *

Юранда размялась, сделав несколько энергичных движений – наклонялась, махала руками, наносила удары невидимому противнику. Затем взяла в руку меч – длинный, как раз по ее росту, и со свистом рассекла воздух – раз, другой.

Она с детства знала, что не такая, как все. У нее не было друзей – кроме кобылки Ноки, которая росла вместе с ней. Отец, бывший офицер, получил тяжелое ранение на воркской войне, и был отправлен в отставку в звании майора. Воркская стрела пробила ему легкое, а потом рана загноилась. Если бы не маг-лекарь, он бы точно не выжил.

Юранда не любила ворков. Да и как можно любить тех, с кем ты воюешь? Тем более что они едва не лишили ее любви.

мого отца. Отец – сильный духом и телом человек, обладающий невероятной физической силой. Например, он подымал ту же кобылку Ноки и легко нес ее на плечах. Мог держать на вытянутых руках одновременно и Юранду, и ее мать, тоже отличавшуюся и ростом, и телесной крепостью.

Мать едва не умерла при родах, и опять же – если бы не лекарь, скорее всего не пережила рождения дочери. Юранда родилась очень крупной и сильной.

Нет, она не была уродкой, не была мужеподобной толстухой – наоборот, Юранда была красива своей, странной красотой, непохожей на красоту обычных женщин. Да, ее тело, воспитанное постоянными изнурительными тренировками было мускулисто, крепко как железное дерево, но при этом у девушки имелось все то, что должна иметь настоящая женщина – небольшая, упругая грудь, округлый зад, длинные ноги, лицо – немного хищное, но очень красивое, и на этом лице сияли серые, будто светящиеся изнутри глаза. Но... у Юранды никогда не было мужчины. Они шарахались от нее, как от дикого зверя. Почему? Потому, что во-первых она не переносила измены, и относилась к отношениям с мужчиной так же, как офицер должен относиться к службе Родине. То есть – дал присягу, так держись! Не предавай! Иначе последует скорая и неизбежная кара. А то, что она последует – это без всякого сомнения. Юранда не отличалась терпимостью и не давала повода усомниться в своих убеждениях. Однажды она прилюдно сказала знакомой девице, хваставшейся

своими постельными победами (в Академии нравы были довольно-таки свободные), что на месте ее парня она бы давно вырвала ей ногу и этой ногой забила бы девку насмерть. А если бы ее парень так себя вел – заставила бы изменника сожрать его собственный член. И как после таких высказываний к ней будут относиться?

А второй причиной, и главной – почему парни обходили ее стороной, был рост девушки. В высшей степени неприятно, когда ты идешь рядом с девушкой, и она возвышается над тобой как осадная башня. Юранда была как минимум на полголовы выше любого из самых высоких парней. И сильнее любого из них. Однажды на занятиях по физподготовке она на спор предложила запрыгнуть ей на плечи всем парням, которые этого желают. Юранда выдержала пятнадцать человек. Возможно, их было бы и больше, но просто уже не могли удержаться. И эти-то с трудом цеплялись за своих товарищей. Она еще и прошла с таких весом шагов десять, пока вся эта шевелящаяся масса не начала с нее опадать. Потом пришлось залечивать синяки и царапины на шее и плечах.

Когда ей предложили вызвать на дуэль этого ворка – Юранда не колебалась ни мгновения. Во-первых, она не любила ворков.

Во-вторых, польстило, что Академия предоставила ей право защитить честь товарищей.

Ну и в-третьих... Юранде самой было интересно поучаствовать в эдаком эпическом мероприятии, о котором говорит

весь город, и которое останется в памяти людей навсегда. В то, что она может проиграть – девушка не верила. В свои семнадцать лет она не проигрывала ни разу. Если не считать отца, в самом начале ее тренировок. Уже в двенадцать лет девушка на равных фехтовала с бывшим майором, в тринадцать – побеждала его в каждом втором бою. Все остальные бои заканчивались вничью.

У нее не было магии, по крайней мере такой, какая годится для настоящих боевых магов. Но специалист по магии сказал, что Юранда обладает скрытыми магическими способностями, которые направлены только в одно русло – на усиление ее физических возможностей. То есть она вроде бы и маг, но все-таки не маг. Боец, каких рождается очень и очень мало. Потому все эти рассказы о том, что отец Юранды напавал ее какими-то специальными снадобьями, увеличившими ее скорость и силу, были просто глупостью. Кто-то придумал, кто-то распустил слухи – вот и получилась стройная, но далекая от истины легенда. Когда ты рождаешься от таких родителей, берешь от них все лучшее – силу, скорость, красоту – получается то, что получилось. Юранда.

Девушке с такими физическими данными путь один – в Академию, благо что отец после выхода в отставку занялся бизнесом и очень недурно преуспел. У него имелись оружейные лавки, торговые корабли, продуктовые магазины, а еще – довольно-таки обширные земли на юге, на самых плодородных местах. Эти земли он сдавал в аренду за долю от урожая,

и его дело благополучно процветало. Семья хорошо обеспечена, так что проблемы в плате за обучение в Академии не было никаких. Ну а сама Юранда не видела себя никем, кроме как армейским офицером. При ее физических возможностях – кем еще? Купчихой? Возможно. Но... потом, когда-нибудь. Когда отомстит за рану отца.

Она была на балу, где ворк (со слов соратников) разнес всю Академию. И видела этого ворка – как он входил со своей свитой из трех шлюшек, готовых ради него выпрыгнуть из трусов. Как они смотрели на этого мерзавца! Это надо было видеть! Жалкие воркские подстилки! Так смотрят только на ангела, слетевшего с небес! А ведь что в нем такого? Красивый? Слишком красивый! Отвратительно красивый! Слащавый, как пересахаренное пирожное! Одеть его в женскую одежду – не отличишь от девки.

А эти его глаза? Мерзкие, отвратительные голубые глаза! Смотрят так, будто видят вместо человека кучу дерьма. А кто он вообще такой? Жалкий дикарь, ворк!

Принц? Ну может и принц. Принц дикарей! Надменный, слащавый, вышагивающий будто здоровенный сытый кот – что он может вызвать, кроме отвращения?!

Он даже снился Юранде – почти все эти ночи после бала. Шел на нее – голый, с торчащим... тьфу! Отвратительно! Она просыпалась мокрая, будто попала под дождь. А перед глазами картинка – на нее надвигается обнаженный ворк со своим «хозяйством» наперевес. И мерзенько так улыбается

– мол, попалась, птичка! Не улетишь!

Юранда тогда ушла с бала. Сама не знала почему, но ушла. Тем более что все равно с ней никто не танцевал – стеснялись своего роста. Ну а потом она узнала, что на балу было устроено побоище, и откровенно пожалела, что ее там не было. Было бы забавно схлестнуться с этим надменным животным и как следует его наказать. Отбить ему ЭТО! Чтобы больше не торчал!

Он даже не знает, что такое честь! Это надо же – выдвинуть такие условия! Деньги! Ему нужны деньги! Ну что же... Юранда покажет этому мерзавцу – что такое деньги. Интересно будет посмотреть на него... голого.

Юранда вздохнула, и слегка заалела щеками. Вообще-то ей было всего семнадцать лет, и мужское хозяйство она видела только у рабов и лошадей. Ну и на картинках, конечно же. А вот так, вживую... Ну что же – вот и повод разглядеть его как следует. Убедиться в справедливости рассказов о том, что ворки отличаются своими... хмм... размерами. Животные...

На трибунах шумели – кто-то разговаривал, кто-то хохотал, кто-то бурно обсуждал будущие бои, при этом размахивая руками. Трибуны вмещали как минимум пятьсот человек – сюда по задумке архитектора, проектировавшего площадку, должны были уместиться все курсанты Академии, плюс ее гости. А курсантов сейчас гораздо меньше, чем пятьсот. Магов с каждым годом становится все меньше.

– Вы готовы, курсант Оссан? – ректор родной академии смотрел на нее строго, но в глазах проглядывались уважение и надежда. Он всегда ее уважал – ректор знал отца, и когда-то они даже дружили. Потом жизнь их развела, но уважение осталось. Сейчас ректор был абсолютно официален, ведь на них смотрят тысячи глаз. Те, кому не хватило места на трибунах сейчас стояли вокруг площадки плотной толпой. Насколько знала Юранда, на поединки делали ставки. И большинство ставок – на нее. Один к двадцати.

– Готова! – неглубоко поклонилась девушка, в поклоне почти сравнявшись ростом с ректором. Он чуть улыбнулся, и скомандовал:

– На арену!

И Юранда пошла туда, где ее уже ждал соперник.

Ворк выглядел почти так же, как и в прошлый раз – спесивый изгиб сочных, пухлых губ, огромные голубые глаза, будто светящиеся изнутри, серебристые волосы, сложенные воинским хвостом. Свободная рубаша с нашитыми на нее кружевами – по последней моде, черные с серебряным узором штаны, облегающие сильные, с длинными сухими мышцами ноги. Мерзавец необычайно красив, и точно об этом знает.

Юранду бесил его взгляд – оценивающий, жадный... хамский. Это негодяй, этот кобель раздевал девушку взглядом, его взгляд сделался будто материальным, Юранда почти реально почувствовала, как невидимые руки ползают по ее телу, касаясь груди, сосков, ласкаемых шелковой тканью сво-

бодной рубахи, трогают бедра, плечи...

Она тряхнула головой, сбрасывая дурноту, накатившую на девушку так, будто выпила три кувшина вина, и досадливо поморщилась – слышала о том, что ворки обладают искусством обольщения, что у этих дикарей сохранилась исконная, животная магия, с помощью которой они влюбляют в себя неосторожных женщин. Но скорее всего сейчас был не тот случай. На площадке на работает никакая магия – специальные амулеты позаботились об этом. И вообще – если негодяй попробует применить какую угодно магию, и дело раскроется – ему грозят пытки и смерть. Он никогда не станет так рисковать.

Ворк стоял расслабленно, опираясь на тренировочный меч, и казался настолько сонным, настолько... беззащитным, что Юранду вдруг кольнула иголочка досады – отлупить этого красавчика равно тому, как если бы она отняла игрушку у ребенка. Никакой чести в этом нет, и никакого труда. Непонятно, чего все с ним так носятся – «Будь осторожна! Он очень силен!». Кто силен?! Этот... дамский угодник?! Да по его смазливой мордашке видно, что он умеет работать только членом, да языком! И вообще – как это ничтожество сумело пролезть в Академию? Кто сюда пустил это животное?

Юранда накручивала себя, приводя в боевое состояние, и через несколько секунд почувствовала, как кровь забурилась в жилах, как загорелись мышцы, требуя движения, скорости,

риска! Юранда знала, что такое оргазм – в конце концов, любая девушка может себя довести до него и без мужчины, но слаще всего для нее был оргазм битвы! Наслаждение борьбой, поединком! Преодоление и победа!

Она подошла к противнику, продолжавшему поедать ее взглядом, и не сделала попытки поприветствовать даже тогда, когда ворк склонился в очень вежливом поклоне. Юранда презирала этого лощеного мерзавца, который скорее всего был игрушкой для мужчин, а не для женщин. Слащавый подлец!

– Ты прекрасна! Такие как красивые женщины редко встречаются! – Юранда вдруг с удивлением и даже трепетом услышала голос ворка. Голос был звучным, чистым, с эдакой легкой ленивой хрипотцей. Голос мужчины, который уверен в своей силе и снисходит до женщины, позволяя любить себя что есть сил. И это просто взбесило девушку! Она напала.

Клаш!

Удар, который должен был сломать ворку ключицу непостижимым образом был отбит. Легко так, будто нехотя, но невероятно быстро. Меч ворка хлопнул Юранду по спине, и она с ужасом поняла – убита! Она, Юранда Бешеная – убита!

Но это знала только она. И ворк, который сейчас широко ей улыбался. И те, кто сидел близко, и понял, что сейчас произошло. Но Юранда сдаваться на собиралась. Правила дуэли гласят, что противники сражаются до тех пор, пока один из них, или оба не смогут продолжать бой. А еще – пока один

из них не объявит о своем проигрыше. Но Юранда сдаваться на собиралась. Это все было случайностью, этого не было вообще – потому что быть не могло! Она не могла ТАК проиграть! Первым же ударом! Почти не двинувшись с места!

Клаш! Клаш! Клаш!

Три удара, один за другим, слившиеся в барабанную дробь. Никто не смог бы парировать эти удары, большинство из людей вообще не смогли бы их даже заметить! Но он успел. Почти не двигаясь, короткими, точными движениями, почти не принимая удар на свой клинок. Юранда была со всей своей мощью, так, что если бы даже ворк успел парировать удар, то его клинок не выдержал бы удара и сломался, или же ударил по своему хозяину. Удары Юранды были потрясающими, она была как молотом по наковальне, это знали все, кто на свою беду пытался биться с ней в учебном поединке.

Юранда быстра, но ворк оказался быстрее. Гораздо быстрее! Вихрь ударов, и ни один не достиг цели! Ни один! С такой силой и скоростью девушка еще ни разу не работала, через пятнадцать секунд боя по ее лицу покатались крупные капли пота, и она стала тяжело дышать. Ворк это заметил, он отступил назад, достал из кармана штанов белый платок, отороченный кружевами, и предложил его Юранде. Та гневно фырчит, и тогда ворк со своей дурацкой улыбкой прячет платок обратно в карман, потом подчеркнуто уважительно кланяется девушке и снова встает в стойку. Бой продолжа-

ется.

После пяти минут боя Юранда поняла – все хреново. Очень хреново! Потому что ворк вообще не бьет. Ну, совершенно не бьет! Уворачивается, парирует клинком, танцует, изящно пропуская удары мимо себя. Но не бьет! И еще – этот мерзавец даже не вспотел! С Юранды летят капли пота, впитываясь в разогретый солнцем песок, едкой жгучей жидкостью заливает глаза, их начинает щипать, легкие работают как кузнечные меха, стараясь прогнать сквозь себя максимальный объем воздуха, а этот проклятый ворк сухой, как если бы вышел на прогулку под сенью старых дубов!

Ужасно! Это ужасно! Юранда знала, что бой закончился в первые же секунды, сейчас ворк с ней только играет, даже не пытаясь ударить, но не хотела этого признавать. Она просто не могла этого признать! Она, доселе не проигравшая ни одного боя!

Мерзавец! Ну какой мерзавец! Лучше бы он ее ударил, лучше бы разбил ей голову – тогда можно списать на случайность, на невезение. Но ворк не бьет. Он будто наслаждается этой игрой, он глумится, унижает, и Юранда ничего не может поделать – только упасть, уткнуться лицом в песок, чтобы не видеть происходящего вокруг, и... заплакать. Навзрыд, всей душой, как плакала только в детстве.

– Почему?! Почему ты не бьешь?! – хрипло, задыхаясь спросила она, отступив на шаг от невозмутимо улыбавшегося ворка.

– Потому, что не хочу повредить такую красоту – еще шире улыбается противник, и Юранда вдруг почувствовала возбуждение. В животе запорхали бабочки, и Юранда скрипнула зубами, пытаясь подавить предавшее ее тело. И не смогла. Она хотела, она вожелела этого мерзкого врага, и чем больше пыталась отделаться от наваждения, тем больше возбуждалась.

Тело содрогнулось – раз, другой, третий... Юранда бросила меч на арену, и сгорбившись, пошла прочь под крики жаждавшей крови толпы. Она ненавидела их всех – этих мерзавцев, которые пришли чтобы посмотреть на впитывающуюся в песок арены кровь, так называемых соратников – курсантов, для которых она всегда была чужой, изгоем, трех этих сучек, которые сейчас визжали и хлопали своему кумиру, который каждый день распинает их на своей постели и проникает в них своим чудовищным отростком, какой девушка видела на картинке похабной книжки. И Юранда мучительно им завидовала, так, как не завидовала никогда в жизни. Ей хотелось умереть.

* * *

Я проводил взглядом девчонку, и невольно помотал головой, будто не веря своим глазам. Говорили мне, что она *большая*, но чтобы настолько?! Вот если взять мою Соньку, и увеличить ее... хмм... в несколько раз... получится эта де-

вица. Ростом под два метра, и при этом настоящая женщина, от которой перехватывает дух, и которая будет сниться долгими ночами, когда под боком не имеется подружки. Если бы такая девка появилась на Земле – ей обеспечено место самой крутой из моделей. Ну... если и не модель, то жена какого-нибудь олигарха – это без всякого сомнения. Так и вижу ее идущей к «Бентли» в сопровождении личного телохранителя. А рядом – тот самый олигарх, мелкий, грушеобразный, который может дотянуться до губ этой девицы только лишь встав на сложенные друг на друга толстые бумажники числом не менее десятка. Небось и здесь и такой девушки нет отбоя от кавалеров. Не девка, а мечта поэта, знойная женщина! И ведь ни жирилки в теле!

Люблю таких спортивных женщин. Стукнешь по заднице – будто в бревно старого дома кулаком врезал, только гул по всей округе.

– Это что такое было? Чего это ты с ней так... развлекался? – подозрительно спрашивает Хельга.

– Да, что такое сейчас видели?! – подхватывает Фелна – Платочки раздаешь! Между прочим – это мы тебе их подарили, эти платочки! Не для того, чтобы какая-то похабная девка себя подтирала!

– Чего это она похабная? – вяло трепыхаюсь я, и тут уже подхватывает молчавшая до этого Соня:

– Она так на тебя смотрела... будто хотела изнасиловать прямо на арене! Бесстыдная девка, точно.

Я недовольно осматриваю моих подруг – уж чья бы коро-ва мычала, а их – помолчала! Не им называть девчонку бесстыдной! Впрочем: «Это совсем другое дело!». Ага... слышали, знаем.

Сажусь на стул, девушки по очереди обмахивают меня полотенцем. Фелна озабоченно говорит:

– Пет, засранец ты эдакий! Оставь свою дурацкую привычку таять перед красивыми девками! Эти девки выпотрошат тебя, и не задумаются ни на миг – надо это было делать, или не надо. У тебя впереди куча боев с настоящими противниками! Так что забудь про свой член, который думает сейчас за тебя, и займись делом. Уничтожь их! Не смотри, кто перед тобой, не ведись на красивое личико и упругие сиськи! Ты боец, черт подери, а не дамский угодник!

Разозлился, да. Во-первых, с чего она решила, что эта девушка была такой уж простой соперницей? Кстати сказать, я по пальцам одной руки пересчитаю тех, кто мог бы с ней на равных соревноваться. Она, между прочим, умеет ускоряться, пусть и ненадолго. Мне, чтобы работать с ней на равных нужно было приложить много, очень много усилий! И ускорился я не менее десятка раз. А в первые секунды боя мне просто повезло – она меня недооценила, отнеслась высокомерно, и тут же за это поплатилась.

Ну и что греха таить... рука не поднимается врезать в такое красивое лицо. Был бы мужик – другое дело, а такую красотку?! Даром что она выше меня, и я на ее фоне кажусь

Гулливером в стране великанов. Чертовка и правда хороша! Интересно, она встанет голышом на площади, или же расплатится деньгами?

Бам-м!

Это сигнал к следующему поединку. Ну что же... посмотрим, что умеет их безопасник. Наверное, сейчас будет он. Однако, я ошибался.

Глава 4

Когда к Зарану обратились с этой просьбой, он вначале лишь посмеялся – они что, идиоты, что ли? Он, Мастер одной из лучших, а может и лучшей школы единоборств должен бросить свои дела и отправиться в путешествие ради... ради чего? Наказать какого-то там ворка, который перебил целую Академию? Ну не смешите меня!

А когда ему назвали сумму, которую заплатят за «путешествие», смех как-то сам собой застыл на его губах. Три тысячи золотых за то, чтобы вышибить дух из семнадцатилетнего парня? Хмм... ну а что... почему бы и нет? Работа, есть работа. Конечно же, он не будет его убивать, хотя гонцы намекали именно на это. Он что, палач? Наемный убийца? Глупости какие! А вот поработать, проверить себя...

Кстати, кроме денег – это еще один камешек, который лег на весы принятия решений. Заело: неужели этот парень на самом деле так хорош, что его не смогли победить ни курсанты, ни преподаватели Академии? В конце концов – парню семнадцать лет! Ну что можно узнать, чему можно научиться в семнадцать лет! Он, Амаст Деагор Заран занимается боевыми искусствами всю свою жизнь, он развил свои способности так, что уступает только лишь своему Наставнику, и то... возможно уже и превзошел его. А тут – семнадцать лет!

Амаст пришел в Школу, когда ему было всего семь лет.

Ну как пришел... отец привел. Он служил вместе с Наставником, и считал того лучшим на всем свете бойцом. И вот – прошло сорок с лишним лет, и теперь Амаст сам глава Школы, которую оставил ему Наставник, живший теперь отшельником. Обеспеченный, известный Мастер единоборств, который берет за обучение приличные деньги. Но никогда еще у него не было такого выгодного предложения: один поединок, в котором он должен победить. Никакой магии! Только искусство единоборств.

Кстати, с этим самым отсутствием магии была кое-какая проблема... Магия была. Но другая. Невидимая магия, существующая в каждом – практически в каждом человеке. Ее можно достать из мозга (или где она еще хранится – в желудке?) и заставить работать на себя. Для этого применяются специальные снадобья, которые стоят приличных денег, но если снадобья подействуют – результат может быть феноменальным. Например – скорость и сила бойца увеличиваются как минимум в полтора раза. А еще – он начинает замедлять время, на срок, который зависит от того, какими способностями обладает боец. Мастер Заран и его Наставник с помощью изнурительных многочасовых, многолетних тренировок развили эту способность до максимума – оба они умели замедлять время практически бесконечно. До тех пор, пока не будет побежден противник, или до тех пор, пока сам боец не упадет замертво, исчерпав последнюю каплю жизненной энергии.

Ничего не дается даром. За все нужно платить. И за усиление – тоже.

Вообще-то Наставник теперь не отшельник. У него поселилась девчонка, которая некогда едва не убила ученицу Амаста – одну из лучших его учениц. И сделала это так просто, так буднично, что Амаст был откровенно потрясен – как она смогла?! Худенькая, невидная, просто-таки пигалица, а не девушка – воткнула деревянный кинжал в горло подготовленному бойцу, будущей телохранительнице, и ушла, будто ее никогда и не было в Школе. Вот теперь Наставник ее и тренирует. Скучно ему, нашел себе питомца кроме кота.

Полторы тысячи вперед, за то что Заран просто примет участие, и полторы потом – после победы. Амаст счел это справедливыми, выгодными условиями, тем более что они были зафиксированы у стряпчего.

Кто конкретно его нанял – Заран не знал. Нанимал стряпчий, и он же потребовал, чтобы мастер после того, как получит аванс, в срочном порядке отправлялся к месту поединка. А еще добавил, что если Заран все-таки убьет своего противника – получит десять тысяч золотых, а не полторы.

Огромная сумма. И три тысячи – это просто невероятные деньги, деньги, которые многие из простых людей не зарабатывают и за несколько своих жизней. А тут – всего за один поединок. Как так?

Что-то тут был нечисто. Что именно – Заран не мог понять. Неужели же дух соревнования упал до такой степени?

Неужели Академии так важно убить этого парня? Да, на дуэлях бывает все. Смерть на дуэли – совсем не редкое явление. Но чтобы вот так, чужими руками?!

Он собрался мгновенно, сел на коня и поехал, прибыв на место всего за сутки с небольшим. Пришлось один раз переночевать в лесу, но ничего страшного, за свою жизнь Амаст видал всякое и привык терпеть лишения. У него даже осталось время, чтобы отдохнуть и прийти в форму после путешествия. Он походил по городу, послушал разговоры на рынке, в трактире – забрел в портовый трактир «Якорь», где выпил легкого вина, поел, и поговорил с подавальщицей. Оказывается – она отлично знала парня, с которым будет драться Заран. Этот ворк отметился и тут – он был постоянным посетителем трактира, а кроме того, играл тут на лютне. И то, что рассказала подавальщица – привело Зарана не то что в замешательство... он не мог поверить своим ушам. Оказывается, его противником будет самый настоящий воркский принц, который убежал из дома в поисках лучшей жизни. И что это красавец, каких мало, что его обожают женщины – каждая из них готова не то что запрыгнуть с ним вместе в постель – убить ради него! И что он лютнист лучше всех на свете, а дерется – лучше профессиональных бойцов.

Чушь, конечно же. Лютнист-боец! Кому рассказать – со смеху помрут! Лютнисты так берегут свои руки, что этими самыми руками лишний раз стул-то передвинуть бояться,

чтобы не повредить, не растянуть связки. А тут – боец!

Это был последний вечер перед дуэлью, и Амаст уже собирался уходить – он сидел уже несколько часов, пора бы и отдохнуть – но... в дверь трактира вошел человек, встречи с которым Заран точно не ожидал. Во-первых, ведь завтра дуэль! Да не одна! Как можно перед этим таскаться по трактирам?!

Во-вторых, так ведь не бывает! Ты сидишь, шпионишь, расспрашиваешь, по крохам выясняя сведения о противнике, и вдруг... вот он! Собственной персоной!

Амаст заметил, что люди в трактире зашумели, завопили, когда ворк переступил порог заведения. Парня здесь точно знали, и точно любили. Или по крайней мере уважали. Навстречу гостю бросился лютнист – здоровенный парень с грубоватым лицом, сохранившим следы беспорядочной и бурной жизни, и начал о чем-то говорить с этим самым ворком. А мастер внимательно рассматривал будущего противника, стараясь понять – что же тот из себя представляет.

Ну что сказать... внешнестью этот ворк Зарана не удивил. Ворк, как ворк – он видел достаточное количество людей этой расы, чтобы сложить о них какое-то представление. Все они, как один – худые, гибкие, высокие. У всех – серебристые, почти белые волосы и голубые глаза. Кстати, да – ни одного толстого ворка Амаст ни разу не видел. Слышал, что это их такая особенность – не толстеть, сколько бы они ни ели. Обмен веществ у них другой, не такой, чем у обычных

людей. Все ворки довольно-таки симпатичны, если не сказать – красивы. Все ворки неплохо поют и играют на лютне и других музыкальных инструментах. У них считается, что если человек не умеет музицировать – он не вполне нормален. Что еще... отличные бойцы. И в единоборствах, и в стрельбе из лука – они первые. Удивительно, что имперцы смогли их завоевать.

Впрочем – как говорил Наставник, ничего удивительного в этом нет. Имперцы размножаются как крысы, а у воркских женщин хорошо если один ребенок за всю ее долгую жизнь. Массой задавили, и то не до конца – Непримиримые до сих пор вырезают поселения крестьян, обосновавшихся на воркской земле, освобожденной от ворков за время войн. И никто с ворками ничего не может поделать – уходят в лес и растворяются, как дым в ясном небе.

Этот ворк был высок даже для ворка, и гораздо выше большинства имперцев. Широкоплечий, он двигался с ленивой грацией дикого кота, и так же как тот всегда был готов к атаке, или к нападению. Это чувствовалось в каждом его движении, мастер видел. Волосы собраны в воинский хвост, безвозрастное гладкое и чистое лицо надменно, пухлые губы искривлены в гримасе презрения. Но похоже что это лишь маска, годная для того, чтобы защитить парня от взглядов недоброжелателей. Когда ворк улыбнулся своему собеседнику, его лицо сделалось добрым и даже... ласковым, особенно, когда ворк смотрел на своих спутниц.

Да, с ним были три девушки – молоденькие, в высшей степени милые, и это при абсолютной, чеканной красоте. Амаст прекрасно знал, что в Империи нет некрасивых женщин из богатых семей. Любая женщина, у которой есть деньги, может сделать себя невероятной красоткой, от которой взгляд отвести невозможно. Но было и одно «но» – женишься на такой, а ребенок родится не от этой красотки, а от той уродины, какой она была до переделки ее тела.

Амаст помнил несколько скандалов, когда отцы новорожденных обвиняли своих жен в том, что те нагуляли ребенка от какого-то любовника-урода. Потому что этот ребенок был похож на кого угодно, но только не на своих родителей. Потом оказывалось, что молодая жена «забыла» сообщить своему будущему мужу, что изначально родилась косоглазой и хромоногой, и что только лишь усилия мага-лекаря сделали ее тело совершенным.

Кстати, все эти скандалы были погашены в зародыше, когда семья девушки обещала отцу дитятки, что за свои деньги сделает из этого маленького уродца человека совершенной красоты.

Амаст слышал об этих скандалах от своих бывших учеников, которые служили телохранителями у богатых господ, и само собой – мимо их ушей не проходило все, что происходило в доме. Ученики время от времени его навещали, и зная, что он никому их не выдаст – со смехом делились последними новостями светской жизни столицы. Зачем? Им –

интересно поделиться смешной историей с близким человеком, ему – потому что держа руку на пульсе светской жизни, легче вести свой бизнес. Информация лишней не бывает.

Так вот эти девушки точно не были «сделанными». Амаст видел это по некоторым лишь ему известным признакам. Ну, например – они не были совершенными. Их лица слишком милы, слишком, явно молоды, чтобы быть сделанными. Те, кто вышли из-под рук мага-лекаря совершенны настолько, что кажутся вырезанными из мрамора статуями. Слишком гладкая кожа, слишком ровный нос, без намека на курносость (а самая маленькая слегка курноса, из-за чего очень и очень мила). Грудь у сделанных девиц как на подбор – одного размера. У этих рубаха на груди оттопыривается – у кого больше, у кого меньше. Ну и все в таком духе – надо быть очень наблюдательным человеком, чтобы это заметить. Заран таким был.

Девушки смотрели на ворка с обожанием, и Амаст поставил бы сто золотых против статера, что они за него просто убьют. И это тоже было удивительно. Ну ладно, красивый парень, но чтобы так?! Чтобы смотреть как на бога?! Это даже неприлично.

А потом ворка попросили сыграть и спеть, и оказалось – у них очень сильный, с небольшой хрипотцей голос. Настоящий голос, который летит, вибрирует, а не какой-то там речитатив, которым «поют» трактирные музыканты. А как он играл! Это был настоящий профессионал, лютя в его ру-

ках пела, страдала, смеялась, любила! Так что подавальщица Амасту не врал.

А потом Заран убедился, что не врала она и в другом. Он досидел до тех пор, пока эта четверка собралась на выход, и с интересом наблюдал, как один парень и три девчонки, пьяные почти до бесчувствия, валялись по земле здоровенных мужиков. Основной ударной силой конечно же был ворк, и Амаст невольно восхитился его умением и силой. А еще – поразился тому, что на самом деле не знает, никогда не видел тех приемов, которыми этот ворк разбрасывал противников. Он никогда не видел такого стиля – грубого, некрасивого, и невероятно эффективного. Этот парень был очень силен, и Заран впервые подумал о том, что будущая дуэль может оказаться не такой уж и простой. Он было успокоился, принял парня за дамского угодника, но... Нельзя судить о человеке по внешнему виду. Совсем недавно он уже попался на такую удочку, и теперь не был намерен попасться на нее вновь. Вспомнить только девчонку, которая едва не убила ученицу Школы. Кстати, между той девчонкой и этим ворком было нечто общее, ощущение такое, что их учил один и тот же мастер. Экономные, точные движения, скупые, некрасивые, но эффективные удары. И незнакомые стойки. Такое мастер чувствовал сразу – более тридцати лет в профессии, волей-неволей начнешь видеть это с первого взгляда.

В гостиницу Амаст возвращался со смешанным чувством. Он не собирался проигрывать, все-таки был уверен, что вы-

играет бой, но... теперь уже не так убежденно в это верил. Впервые к нему в голову закралась мысль, что он вообще-то может и не получить своих полутора тысяч. Чего уж говорить о десяти... А они бы ему оченьгодились. И дом надо подновить, и Школе не помешал бы хороший ремонт. Денег много не бывает. И деньги – это всего лишь инструмент.

* * *

Амаст должен был идти на поединок вторым – так ему объявили. Первой дралась какая-то девчонка, имени которой он не запомнил, да и не хотел запоминать. Кто она ему? Просто одна из девушек Академии. Единственное, что ее отличало от других девушек – огромный рост и крепкое сложение. Жилистая, сильная – она была красива, но не жеманной, сладкой красотой, а красотой силы и здоровья.

Заран с интересом смотрел за тем, что происходило на арене, и когда Петр Син Рос (так его объявил организатор боя) после первых же секунд поединка полоснул девицу через спину – довольно усмехнулся, довольный, как если бы эту шутку проделал он сам. Мастер прекрасно видел, что произошло, все понял. Девица вероятнее всего была какой-то там чемпионкой Академии, потому самоуверенно полагала, что ее так просто не взять. И сразу же допустила ошибку. Парень не стал тянуть, и попросту зарубил ее за считанные мгновения. Если бы мечи были настоящие, острые –

разрез дошел бы до самого позвоночника, и дальше – в зависимости от остроты меча и силы удара. Проще говоря – девушку перерубили бы пополам.

Дальше началось то, чего Заран собственно и ожидал: обозленная проигрышем, уязвленная в самое сердце девушка не захотела признать поражения, и применила всю свою силу и умение чтобы наказать самонадеянного юнца. Вот только незадача – он явно не был юнцом, и тем более самонадеянным. Он был настоящим мастером, который тщательно, как человек очень заботящийся о сохранности своей кожи, уходил от ударов или парировал их учебным мечом, стараясь не подставить клинок под сильнейшие, будто кузнечным молотом нанесенные удары противника. Подставь клинок под такой удар – он сломается, и останешься ты с коротким обломком в руке. И если противник захочет – он не даст тебе поменять меч на целый. Надо было думать, прежде чем так неудачно его подставлять!

Секунда за секундой, минута за минутой... клинки мелькали, поединщики двигались так, что их передвижения были с трудом различимы. Девушка на самом деле была очень хороша, и если бы не ее спесь в самом начале поединка... нет, она все равно ничего не могла сделать. Этот ворк даже не на порядок, он на два порядка выше ее по уровню мастерства! А может и еще сильнее. Он даже не бил. Он просто уворачивался или блокировал удары, не нанося ответных. Он играл с противником, развлекался, превратив бой в нечто смешное,

ненастоящее. И девушка это поняла. Она отступила, посто-
яла на месте, чуть согнувшись – так, будто у нее заболел жи-
вот, а потом бросила меч на песок и пошла прочь. И Амаст,
сидевший на первом ряду, видел, как из ее глаз текли слезы.
Она рыдала, кусая губы, и похоже что с трудом сдерживаясь,
чтобы не побежать.

Распорядитель объявил о том, что дуэль выиграна курсан-
том Сином, и Амаст встал со скамьи, отправляясь туда, где
на стеллаже лежали учебные мечи.

Он выбрал себе самый простой меч – полоса металла без
гарды, с длинной рукоятью, прочно обмотанной кожей. Чуть
изогнутый клинок длиной с вытянутую руку носил следы
многочисленных поединков – вмятины, царапины, потерто-
сти, однако был крепок, сделан можно сказать на века. Амаст
постучал по клинку, прислушался к звуку, потом взял дру-
гой меч – стукнул по первому. Звук ему понравился – чи-
стый, без дребезжания. Крепкий, честный меч без изъянов.
Таким можно и голову раскроить...

Десять тысяч! Это большие, очень большие деньги! Амаст
боялся себе признаться, но он хотел этих денег, очень хотел.
И ему было немного стыдно. Хотя что стыдного в том, что
ты своей работой зарабатываешь деньги? Ну а то, что тебя
наняли убить этого парня... так он ведь знал, на что идет.
Дуэли редко бывают бескровными, и смерть на дуэли не та-
кое уж и редкое событие.

Когда Амаст появился на арене, ворк его уже ждал –

равнодушный, спокойный, без тени каких-либо эмоций на слишком совершенном для мужчины лице. Неприятно совершенном! Мужчина не должен быть таким красивым! Не должен! Он не какая-то там баба! Или может он из этих... которым и бабы не нужны?! Так ему можно и попортить личико!

Так-то Заран не сказать чтобы ненавидел этих самых... не любящих женщин красавчиков. Ему было на них плевать. В Школу он их не принимал, считал больными людьми, но и ненавидеть не собирался. Сейчас он накручивал себя, бодрил, заставляя возгореться пламя ненависти в своей душе. Нельзя калечить, нельзя убить человека, который тебе ничего плохого не сделал. Должна быть какая-то причина, должен быть повод, чтобы его убить. Бесстрастно убивают только наемные убийцы – люди без чести и совести, за статур готовое на любое преступление. Заран таким наемником не был.

Он подошел к ворку, остановился на расстоянии трех шагов от противника. Ворк стоял все так же расслабленно, держа меч в опущенной руке. Амаст чуть улыбнулся – хитрый парень! Это же стойка «Дурак»! На нее ведутся самые настоящие дураки, любой мастер знает, что опущенная вниз рука мгновенно дернется вверх, и полетят в стороны брызги крови, и рухнет на арену то, что ранее было мужчиной, а теперь – непонятно какого пола существо. Нет уж, парень, такое с мастером не пройдет!

Они поклонились практически одновременно. Амаст, как

подошедший – первым, противник запоздал на долю секунду. Со стороны показалось бы, что они сделали это одновременно, но знающие люди все поймут с первого взгляда. Все-таки парень чуть-чуть, да запоздал!

Амаст напал, перейдя в боевой режим. Его в этом режиме хватит минут на десять, потом он свалится на песок без сил, но что такое десять минут в поединке один на один? Это целая вечность! Бой решается в первые его секунды, ни о каких минутах и речи идти не может!

И на первой же секунде Амаст зацепил противника, и сильно. Он вообще думал, что расколется тому череп, но парень все-таки сумел убрать голову от удара, и кончик меча лишь рассек кожу на бровью – до самой кости. Обильно хлынула кровь, залил лицо ворка и превратив его в кровавую маску.

Под навесом охнула и завизжала девчонка – вероятно одна из тех, кто находился в свите этого парня. Или в гареме? Что впрочем одно и то же. Трибуны молчали, будто боялись спугнуть удачу бойца, а раненый ворк зло оскалился и смахнул кровь, залившую ему глаза. А потом вдруг улыбнулся и кивнул Амасту – мол, молодец! Хорошо дерешься! И мастер почувствовал раздражение – настоящее раздражение, не наигранное, не деланное. Как этот юнец смеет одобрять, или не одобрять своего противника, который сильнее и быстрее его! Который десятки лет посвятил тому, чему этот парнишка ну никак не мог научиться за свои мальчишечьи

годы! Ему всего-то семнадцать лет, а мастер ежедневно, по несколько часов в день отрабатывал, шлифовал, совершенствовал свое умение! И при этом не тратил времени на пьянство по трактирам, как этот лощенный хлыщ!

Атака! Мечи клацнули, недовольно загудели, завибрировали, столкнувшись и едва не сломав друг друга, и снова потекла кровь – кончик меча мастера рассек ворку губу и вполне вероятно выкрошил передние зубы.

Нет, зубы целы – улыбается, и снова кивает. Будто благодарит за урок. А ведь едва избежал увечья! Чуть-чуть бы, и все! Конец! Сломанная челюсть, и за ней – добивающий удар сверху, в основание черепа.

И тут же Амаст почувствовал боль. В горячке боя он ее не ощутил, но теперь бок резко заболел. Удар был таким сильным, что в нем, в боку, что-то явственно хрустнуло. Сломано ребро, может два. Сразу стало труднее двигаться. Когда у тебя что-то болит находиться в трансе можно с большим трудом. Только если ты уже привык терпеть боль. Заран – привык.

Мир сжался до размеров арены. Вокруг – никого. Со стороны все выглядит странно – бойцы стоят неподвижно, потом бросок вперед! Дробь ударов металла о металл! И снова застыли. Только у одного льется кровь, другой морщится и тяжело дышит.

Амаст зол и растерян. Он еще не встречал человека, которого не мог бы победить. Кроме своего Наставника. Но тот

уникальный боец, он с рождения был великим бойцом. Когда Амаст еще писал в пеленки, Наставник уже был великим Наставником. Но этот?! Как молодой парень может противостоять взрослому мастеру?!

Только один, единственный вывод – этот парень не тот, кем хочет казаться. Ему гораздо, гораздо больше лет, чем столько, на сколько он выглядит. И это настоящий мастер.

Но время идет, силы утекают, и пусть с момента начала поединка прошло всего около минуты, не больше – бой надо завершать, иначе...

Что такое будет «иначе», мастер додумать не успел, потому что ворк сам бросился в атаку, видимо отдав в этой атаке все силы, что у него оставались. И это понятно – еще в первом поединке Амаст заметил, что противник включает ускорение на период не больше чем три-четыре секунды. Этого как раз и хватает на полноценную атаку, длящуюся и меньшее время. Но против человека, который может держать ускорение десять минут подряд – этого было слишком мало. Вот и постарался ворк выложиться на все, что сможет сейчас делать.

И преуспел. Амаст с ужасом почувствовал, что скорость ворка возросла, да настолько, что он, мастер, просто не успевает реагировать на удары! Нет – успевает, но запаздывает, на самую маленькую долю секунды, но запаздывает!

Меч Зарана медленно-премедленно коснулся лба противника – кожа под стальным лезвием, никогда не видевшим

заточки расступилась, обнажая белую кость черепа, но этот проклятый ворк все равно успел отвести голову в сторону!

И тут пришла боль. Амаст с ужасом и недоверием смотрел на рукоять меча, которая торчала из его живота, и не верил, не мог поверить своим глазам! Этого просто не может быть. И не потому, что кончик меча закруглен, и надо обладать невероятной силой и скоростью, чтобы таким мечом пробить и одежду, и твердые как доска тренированные мышцы живота. Просто этот ворк не мог, никак не мог дотянуться и убить мастера своим глупым клинком! Это невозможно!

Убить?! Амаст вдруг понял – он умирает. Полторы тысячи золотых – жалкие полторы тысячи! Жадность, и наказание за нее. Самонадеянность – и кара. Спесь – и вот, получи за нее расплату. И все. Больше – совсем ничего.

Первая боль прошла, ощущение было таким, как если бы Амаст съел что-то тяжелое, острое, и теперь у него заныл желудок.

Потом пришла слабость, за ней головокружение, и мозг раненого принял единственно правильное решение – погрузить своего хозяина в беспамятство. Что там будет дальше – неизвестно, но пусть он пока не почувствует боли. Пока не почувствует! Или никогда не почувствует...

Глава 5

«Сердце норовит выскочить из груди» – это не просто оборот речи. Это когда твое сердце работает в дичайшем ритме, как взбесившийся автомобильный дизель, поршни которого в конце концов разлетаются на части и вылетают на белый свет, оставляя в капоте авто рваные дыры.

Я в таком состоянии был тогда, когда впервые начал бегать многокилометровые кроссы во всем боевом снаряжении. Бежишь, пот заливает глаза, рюкзак давит на спину, автомат сделался тяжелым, как двухпудовая гирия. Но тебе нужно бежать. Нельзя упасть и лежать, как трухлявое бревно.

Уже давно не встречал человека, который превосходит меня по скорости, силе и умению. И вот – наконец-то попался. Да, это была самая настоящая ловушка – мне подставили настоящего Мастера, равного по мастерству тому, которого я засунул в тело местного олигарха. А может даже и превосходящего его по скорости и силе. Все-таки отец Хенеля был уже очень пожилым человеком, можно даже сказать старым, а этот... этот в расцвете сил. И самое главное – он умел ускоряться на практически бесконечный период времени. Я это понял сразу, как только он нанес первые удары.

Дальше был кошмар. Даже после того, как я впустил в себя Хенеля, чем увеличил силу и скорость как минимум в полтора раза, противник умудрялся меня доставать! И де-

лал это так легко и свободно, что чувствовалось – еще чуть-чуть, еще самая моя маленькая ошибка, и все, я труп. Именно труп, а не калека, и не подранок. И *это* я чувствовал наверняка. Он метил в голову, в те места, которые угрожают моей жизни, и после ранения в которые я как минимум останусь полудурком. Мозг ведь будет поврежден.

Хенель спокойно сообщил, что большего сделать не может. И что если я хочу выстоять в этой схватке, мне нужно рискнуть, и...

Да, я впустил и ее. Знаю, что это опасно – читал. Впустить в себя призрака противоположного пола чревато психическим расстройством, ведь какой-никакой но отпечаток этой личности остается на душе впустившего. Нет, это не означает, что он станет гомосексуалистом и ему вдруг понравятся мужчины. Там все глубже, не так тупо и прямо. Вкусы, предпочтения, мысли, умения – все это остается в памяти реципиента. И оно может вылезть в самый что ни на есть ненужный момент, и... неизвестно, чем это закончится. И ты не можешь выбросить эти воспоминания из памяти, тебе с ними жить дальше.

Здесь ключевое слово – «жить». Именно так – я еще хочу пожить. Мне интересен этот мир, мне он нравится! Мне нравится, как я живу! И я сделаю все, чтобы выжить.

Анна добавила мне процентов сорок скорости и силы. Но ненадолго. Как было сказано мне призраками – если я не уложу этого мужика за ближайшую минуту – свалюсь без сил на

песок арены, а при самом худшем исходе дела – могу и умереть. Я слишком уж активно эксплуатировал свой организм, не давая ему отдохнуть.

Потому я бросился в атаку, наплевав на последствия, и... невероятным, диким усилием вонзил свой тупой меч в тело противника! А потом стоял, пошатываясь, как дерево на ветру, и смотрел на рукоять своего меча, торчащую из живота соперника. Интересно, кто это вообще был такой? Я никогда не слышал его имени, никогда не имел с ним дела. Откуда его вытащили эти негодяи? И за что, почему так глупо он погиб? Деньги? Наверное, все-таки деньги.

И еще – помню старый советский мультик, где дух колодца говорил львенку: «Не говори что силен – встретишь более сильного!». Вот и я встретил. И мне это не понравилось. Может хватит ходить по краю? Или эта привычка из меня уже никуда не денется? Адреналиновый наркоман?

Чушь. Я ведь не хотел всего этого! Моя мечта не идет дальше лютни, вкусной еды и питья, красивых девочек и... пруда с рыбками, в котором можно купаться вместе с этими девчонками. А потом – с ними в постель. Разве я много прошу? Почему же на мою долю выпадает эта дрянь? За что на меня так прогневался Создатель? Или это не Создатель, а Дьявол? А что, кидает меня в разные дурацкие приключения, рискует моей жизнью, не ставя ее ни в грош, а черти сидят и смотрят за моей беготней на экране адского телевизора, переживая, обсуждая, мусоля все детали моих страда-

ний!

Всеми нами кто-то управляет. И на Земле, и в других мирах. Только человек по глупости своей этого не понимает, или просто отрицает. Ведь если ты это отрицаешь, оно как бы и не существует в природе? Думал над этим, и не раз. И только когда после своей бесславной смерти попал в иной мир, в чужое тело – стал понимать часть процессов, происходящих во вселенной. Только часть. Ибо... кто управляет тем, кто управляет мной?

Моего противника подхватили и потащили вон с арены – здесь магия не работает, а его нужно спасать. Я не буду его спасать. Не хочу. Да и сил нет. Шагаю под навес, и меня шатает, будто ураганом. Это плохо. И то, что сил нет плохо, и то, что по мне видно, насколько я устал. Это может вселить надежду на выигрыш в противников.

Призраков выгнал из тела, и мне сразу стало немного легче. Совсем немного, но... при моих запасах нынешних запасов энергии и это хорошо.

– Ты как? – знакомый голос заставил открыть глаза – Следующие поединки выдержишь?

– Кто это был? – спрашиваю, глядя в темные глаза ректора – Если дальше будут такие же... нет, не выдержу. Я еле выстоял.

– Молодец! – серьезно сказал ректор – Выстоял, и победил! Я узнал – это глава самой сильной школы единоборств в столице. Название ее, имя бойца тебе ничего не даст. Все

равно не знаешь. Но поверь... это очень серьезный боец. Лучший!

– Вы знали? – смотрю внимательно, фиксирую эмоции собеседника.

– Нет! – резко бросает он – Мне сказали, что вместо безопасника выйдет какой-то иногородний боец, но я не думал, что это он. Имя мне тоже не сказали. Но даже если бы сказали... что я мог сделать? Любой может выпустить вместо себя любого, ты же знаешь. Просто приведет, и покажет пальцем – вот он! И ты согласишься. Таков закон.

– Хреновый какой-то у нас закон – хриплю я, и делаю знак Фелне, которая стоит рядом и прислушивается к разговору – Дай попить!

Девушка тут же шагает ко мне с флягой в руке, и я с наслаждением лью в глотку теплую воду, подкрашенную красным вином. Совсем чуть-чуть подкрашенную, ведь не для пьянки пью. В жарком климате это способ обеззараживания воды, и ее сохранения.

– Каков закон есть, такой он и... хмм... есть – заканчивает ректор – Так ты можешь продолжать, или отложить дуэль?

– Перерыв на час – киваю я – За это время отойду. И лекарь... пускай меня слегка подлатает. А то... вон что!

Легонька касаюсь раны на голове и едва не шиплю от боли. А болит – просто сил нет терпеть! И притом я сам себя полечить не могу – не поймет народ, заинтересуется.

Ректор кивнул, поманил меня рукой, я сделал жест дев-

чонкам, они помогли мне подняться со скамьи, на которой сидел, и поддерживая с двух сторон повели за территорию арены. Кстати, после долгого перерыва это будет впервые, когда меня пользуют маги-лекари. До сих пор обходился сам.

Лечение заняло минут сорок, что меня искренне удивило. Я бы обошелся с этими «царапинами» минут за десять. А ко всему прочему мне сообщили, что останутся шрамы – но чтобы я не расстраивался, ведь шрам украшает мужчину! Так-то мне плевать на шрамы и на красоту, но ужасно захотелось врезать этому недолекарю, чтобы он сам узнал – как это, шрам на морде. Насколько это его украсит. Ладно... потом уберу. Скажу, что полечился на стороне. У кого? Да кому какое дело?

Но было и хорошее. За эти сорок минут в меня накачали энергии – и физической, и магической, так что после сеанса сам стоял на ногах и вполне мог продолжать бой. О чем и заявил устроителям всего этого действа.

Следующим был здоровенный парень лет тридцати, или чуть меньше – очень похожий на того, которого я некогда уложил в лавке менялы. И кстати – похожий на Аллена, который, как я помню, некогда выступал на арене. Лицо все в шрамах, руки до плеч – в шрамах. Он был в безрукавке, свободной, легкой. На дуэли запрещено надевать снарягу, иначе честный бой превратится в непонятно что. Вернее – понятно во что, в дурацкий рыцарский поединок, только что без лошадей. Представляю, как на такой жаре от этих самых

рыцарей воняло. Это ходячий сортир, а не боец! Как они во всем снаряжении освобождали гроб Господень? Или точнее – грабили по Сирии и всем тем местам. На жаре в этой стальной скорлупе точно сварисься!

Боец с арены был быстр, силен, но мне даже не пришлось воспользоваться услугами призрака. Сам забил противника, без каких бы то ни было ухищрений. Понадобилось десять секунд – одна атака. Боец получил мечом по кумполу, пожал плечами и объявил, что признает поражение. Интересно, во что это ему обойдется? Впрочем, не мое дело. И вот еще что – рожа этого поединщика была вполне нормальной, довольной такой. Из чего я сделал вывод – негодяй поставил против себя, и с чистой совестью слил этот бой. Попробуй-ка, докажи это!

Четвертой была девушка – рослая, симпатичная (других там не держат!), я помню, что танцевал с ней на балу. Она продержалась три секунды. Я выбил у нее меч и приставил клинок к горлу.

Пятая девица не вышла. Судья поединков объявил, что моя будущая противница отзывает вызов, отказывается от боя. По условиям дуэли это можно сделать до тех пор, пока оба бойца не вышли на арену. Так что – успела. Сколько ей это будет стоить? Двести золотых? Вот и пошли заработки!

Само собой – зрители вопили, требовали продолжения банкета, но я отказал им в удовольствии. Хватит дурака валять! Работать идите! Заводы стоят, а вокруг одни дуэлянты!

Впрочем, это уже совсем другая история.

С трудом отбившись от своей свиты, которая желала меня сопровождать в путешествии до моего номера (Надо заняться своим лечением, черт подери! На кой черт мне шрамы?!), я добрался до «дома», слегка встрепанный от дружеских похлопываний и поцелуев (Хлопали парни, целовали девчонки! И только так!). Вставил ключ в замочную скважину, дернул на себя дверь и тяжело ввалился в номер. Осмотрелся, и с тоской понял: отдых мне точно не светит. И вообще – все хреново.

* * *

Она была еще теплой – я потрогал руку, коснулся лужи, которая из нее натекала. Рука – как у живой. И кровь еще не успела свернуться. Девушку убили как раз в то самое время, когда я разбирался с четвертой дуэлью. Убили моим мечом – я оставил его в номере (ну не таскаться же на дуэль с боевым мечом?!). Вначале вырубили – на скуле кровоподтек. Потом убийца затащил девчонку в номер, обыскал его, нашел меч и... проткнул девушку навывлет. Прямо в сердце. Но не сразу.

Не надо много времени, чтобы все это обдумать. С того момента, как я вошел в номер прошло секунд пять, не больше. Но они показались мне целой вечностью. Вот я вхожу, захлопываю дверь, закрываю ее на задвижку (чтобы девки не ворвались – устал я, не до постельных игрищ!), прохожу

дальше, и... на моей постели лежит мертвая Ана. Голая, и похоже что изнасилованная. Уж больно поза у нее такая... специфическая. Ноги согнуты в коленях, широко разведены в стороны, открывая нескромному взгляду все то, что должно быть спрятано от чужих глаз. Ну и... еще кое-какие признаки того, что девушку кто-то совсем недавно... понятно. Синяки – на груди, на бедрах. Губы разбиты. Засосы – на шее и на груди. Один сосок почти оторван – похоже что зубами рвал, гад! Убийца довольно-таки долго над ней глумился... а она кричала. Только кто услышит, если все собрались на дуэльной площадке? Да и владение магией кое-что значит. Например – можно сделать так, чтобы звуки не выходили из номера.

Впрочем – не надо умножать число сущностей, можно просто сунуть в рот кляп. Например – ее собственные трусики, вон они, валяются на кровати рядом с трупом.

Трупом? У нее есть аура! Слабая, очень слабая, но есть! Женщины невероятно живучи. Помню – читал еще в девяностые годы криминальную хронику о том, как в одном провинциальном городке на Волге маньяк убивал молоденьких девчонок. Таксист, если не ошибаюсь. Предлагал подвезти – они и соглашались. Дядечка приятный, уже в возрасте, лицо располагающее – не шпана какая-то, взрослый человек! Он отвозил их в укромное место, там насиловал и убивал.

А попался можно сказать совершенно случайно. Менты, как всегда, очень долго его не могли поймать. Очеред-

ная жертва, молоденькая девочка, получив шестнадцать ножевых ранений не умерла. Очнулась, заброшенная ветками и мусором, и поползла к дороге, где ее и подобрал водитель случайно проезжавшего мимо автомобиля. А потом еще умудрилась описать внешность маньяка, сообщить цвет и марку автомобиля, и... выжила! С шестнадцатью-то ранениями!

Опять же – на воспоминания ушла секунда – просто мелькнуло в голове, и убежало. И я начал работу.

Нет, души Аны в теле уже не было, и рядом с телом – тоже. Пустая скорлупа плоти еще жила, не понимая, что фактически уже мертва, но до полной смерти оставалось совсем немного, еще несколько минут, и конец. Душа, не связанная с телом прочной нитью – отправилась на перерождение, как и положено душам убитых. Увы, здесь она почему-то не осталась. Может выполнила все, что ей было нужно в этом мире? А может ей в другом мире уготована лучшая участь – родится дочерью миллиардера, и ни в чем не будет испытывать нужды? Неважно. Факт, есть факт – души нет, тело умирает, и...

Мысль стукнула в голову, как молот, и я тут же приступил к лечению. Выдернув меч, в первую очередь залечил раны, после чего аура стала светиться гораздо ярче, почти как у живого человека. Почти.

А теперь мне нужно было сделать то, чего я еще никогда не делал. Да, не делал! Потому что в прошлый раз это не

было похоже на то, что я собираюсь сделать в сию секунду – а именно – создать нить, которая привяжет душу к телу. Теперь мне спешить было некуда, и я стал вспоминать все прочитанное, и то, что заложили мне в память мои призраки. И нашел!

Потом буду оплакивать Ану. Помяну девчонку, как смогу. И отомщу. Но пока – вперед, работать! Время уходит!

Невидимая «рука подцепила» ауру покойницы, и очень тихо, осторожно начала вытягивать из нее нить. Свивать ее в жгут, сплетенный из всех цветов, что присутствовали в этой самой ауре. Еще немного, еще, еще!

Есть. Готово. Теперь закрепить нить, чтобы она торчала из ауры.

– Анна, подойди! – командую призраку, и образ девушки приближается ко мне на расстояние вытянутой руки. Замираю, в последний раз смотрю в лицо покойницы, запоминая, впитывая в себя ее внешность. Ну... так, на всякий случай. Есть одна мыслишка на этот счет.

Призрак терпеливо ждет, но я чувствую проскальзывающее в ауре покойницы нетерпение. Понятное дело – походи-ка ты мертвым сгустком информации, помечтай о живом теле! Молчит. Все поняла, да. Но у призраков эмоции совсем другие. Нечеловеческие. Есть они, конечно, но... сгусток информации, сгусток энергии не может страдать и смеяться так, как живой человек. Аксиома.

Итак, начинаем! Касаюсь того, что когда-то было челове-

ком. Осторожно-осторожно касаюсь, представляю, что к этому «пальцу» цепляется часть ауры-оболочки, как бы прилипает к нему. Тяну к себе... хоп! Есть ниточка! Соединяю нить ауры тела, лежащего на кровати, и эту нить... Может показалось, а может и в самом деле – но в воздухе будто зазвенела струна. Обе нити стали единым целым, и... хоп! Анну втянуло в тело!

Девушка судорожно вздохнула, закашлялась, выплевывая кровавые сгустки. Легкое задето. Было – задето. Вылечил. Но сгустки-то никуда не делись!

– Как чувствуешь себя? – спрашиваю, а самого неудержимо тянет усесться на кровать. Сажусь – Помнишь, что случилось? Осталась память?

– Помню... – тихо отвечает Анна, и с натугой садится, опираясь руками – Он сзади подкрался. Схватил, затащил. Потом издевался. И убил.

Я молча кивнул. Что еще сказать? Ну что я могу сказать? Бедная девочка... только-только начала жить!

– Что дальше? – Анна опустила взгляд, потрогала груди, почему-то зажала в пальцах левый сосок – сжала, покрутила, тихо ойкнула. Потому посмотрела на меня, недоверчиво помотала головой:

– О Создатель! Как приятно... чувствовать боль! Просто – чувствовать! Начинаешь понимать, что потеряла, только... снова обрета.

Анна посмотрела на меня, и видимо поняла:

– Прости... мне очень жаль. Она была хорошей девочкой. Очень хорошей. И знаешь... она ведь тебя любила. Да, на самом деле!

– И зачем тогда пряталась? – спросил я опустошенно, глядя в пространство и думая ни о чем, и обо всем сразу. Как-то все навалилось... хочется забиться в тихий уголок, и сидеть там, не вылезая наружу – неделю, две, три... а потом начать выглядывать.

– Ей девушки твои сказали, чтобы не подходила к тебе. Сказали, что избыют ее, если еще раз запрыгнет к тебе в постель. Что ты принадлежишь им, и...

– Принадлежу?! – меня затопила ярость – Сучки! Ну, я им задам! А ты почему молчала?

– А зачем я буду это говорить? – Анна сосредоточенно изучала свое тело, встав с кровати и ощупывая себя пальцами. Окровавленная, похудевшая после лечения она выглядела очень соблазнительно. Но у меня даже мысли не возникло затащить ее в постель. Даже ничуть не возбуждился, глядя на обнаженную красотку. В душе у меня царила печаль и лил холодный осенний дождь.

– То есть – зачем? – мрачно переспросил я – Тебя же поставили следить за моей безопасностью. Я поставил!

– Я и следила за твоей безопасностью – безмятежно пожала плечами Анна – Но разве я обязана была следить за *ее* безопасностью? Ты мне такого приказа не давал. Я следила за Гренделем. Но он вел себя тихо. Если было бы иначе – я

б тебе сказала. Сегодня я не следила. Как ты помнишь, мы помогали тебе победить противника. Так что... если ты хочешь упрекнуть меня в том, что я плохо тебе служила – это напрасно. Какой ты отдал приказ – такой я и выполнила. Извини, призраки не располагают свободой воли. Или скорее так: имеют ограниченную свободу воли. И... спасибо тебе. И вот что еще скажу: ничего не изменилось. Я все равно Анна, и я служу тебе, и буду служить столько, сколько нахожусь в этом мире.

– И если я прикажу тебе лечь со мной в постель – ляжешь? – усмехаюсь неприятной усмешкой. Сам не знаю почему, но мне захотелось уязвить девушку, сделать ей больно. Да, я сам виноват – приказ следить за моей безопасностью не касался Аны, но черт подери... ну кто-то за это должен ответить?!

– Я сделаю все, что ты скажешь. Лягу с тобой, лягу с тем, на кого ты укажешь. Перережу себе глотку, если ты этого потребуешь. Иначе не могу, ибо я Анна, а не Ана. Я просто не могу поступить иначе. Твой приказ забит в меня, будто гвоздями.

Я испытал легкое смущение – ну чего я на нее ополчился? В чем она-то виновата?

– Вот что, Анна... – медленно говорю я, обдумывая каждое слово – Как мы с тобой и договорились, ты служишь мне, пока я тебя не отпущу. Спасть с тобой я не буду, зачем расстраивать твоего жениха? Он ведь все еще тебя любит.

– Это в прошлом – вздохнула Анна – Все ушло вместе с нашими телами. Но прости, я перебила.

– Ну, так вот: служишь дальше. Тебе придется полностью заместить Ану. Ты убираешь у меня, делаешь все, что я скажу. Потом мы расстанемся и ты заживешь своей жизнью. Что касается твоего жениха... у меня для него будет другое задание. А теперь – иди в душ, смой с себя кровь, оденься – ну не голой же делать уборку? Хотя мне в принципе все равно – можно и голой. Да и меньше потом с одеждой возиться, стирать. Все это (я указал на постель) надо срочно убрать. Матрас замывать, потом купим новый, или возьмем со склада. Занимайся, а я пока немного полежу...

Со скрипом встал и потащился к дивану в гостиную. Сбросил ботинки и плюхнулся вниз лицом на мягкую кожу широкого лежбища. Сил у меня больше не осталось.

* * *

– Вставай! Петр, вставай! Стучат!

– Кто стучит? Зачем стучит? – спросонок не понял я, и только когда проморгался и как следует взгляделся в повисшее надо мной лицо Аны, все вспомнил. Это теперь не Ана. Это Анна. Бедная девочка сейчас наверное в раю. Это для меня рая не будет, а она в своей жизни ничего плохого не совершила! Она обязательно должна отправиться в рай, или получить новую жизнь – красивую и счастливую. Иначе нет

в мире справедливости – от слова «совсем».

Впрочем, я и так знал, что никакой справедливости в мире нет – кроме той, что ты творишь своими собственными руками. Но хотелось верить, что это все-таки не так.

– Это Хельга – вмешался в разговор призрак.

– Открой ей – попросил я Анну, и та тут же повернулась и пошла к двери.

Хельга ворвалась как обычно – ураганом, не разбирая дороги едва не пуская облачко пара, как чайник с кипятком. Увидела Анну, хотела что-то сказать, но я тут же ее перебил:

– Быстро! Говори, что хочешь сказать! Ану не трогай – пожалеешь. Ну?!

Хельга многообещающе посмотрела в лицо служанки, прищурилась – молча, ни единого слова в ее адрес не сказала, и обратила свой взор на меня, валяющегося на диване:

– Ректор вызывает. Насколько я поняла – это насчет дуэлей. Иди скорее, там что-то важное! А с тобой (это она Анне) мы после поговорим! И как тебе не стыдно находиться в номере господина в таком виде?!

Только сейчас я разглядел, что Анна вообще-то практически голая – в одних трусиках. Перепачкана мыльной пеной, кое-где бурые пятна, волосы на голове спутаны, будто валялась в стогу с любовником. Мда... вид еще тот! Хельга точно решила, что мы тут с ней кувыркались!

Впрочем – мне сейчас наплевать. Не до того. Не до бабских разборок – это точно. Есть дела и поважнее...

Глава 6

– Разрешите войти?

– Войдите, курсант Син! – ректор был торжественно спокоен, и мне показалось, что он нарочито-торжественно спокоен. Каждый играет свою роль в жизни – иногда достоверно, иногда переигрывает. Этот человек еще не из худших, вполне нормальный, дельный мужик. А то, что он считает меня источником своих неприятностей – так я и есть этот самый источник. Ну вот как кой черт ему все эти волнения, передраги? Да еще и дочку его трахаю. Или... трахал. Еще не решил насчет нее.

– Вызывали, господин ректор? Я весь внимание! – кланяюсь, но не слишком низко. Типа знаю себе цену, но очень уважаю собеседника. Этикет – есть этикет. Ректор смотрит бесстрастно, но мне кажется – оценил мои старания. Ох уж эти условности... Впрочем – а что, на Земле не было условностей? Не расшаркиваются перед сильными мира сего? Просто здесь это более четко выражено.

– Это хорошо, что ты – внимание – холодно говорит ректор, и я недоуменно поднимаю брови. Чего это он такой весь из себя... чужой? Впрочем – какого черта я гадаю? Может он с женой поругался? А может у него сегодня... хмм... не встал! Или понос прошиб! Да мало ли чего могло случиться с человеком? Ну, нет у него настроения, да и все тут. Скоро

скажет, не потаит. Для чего-то ведь вызвал.

И не потаил:

– Я вас вызвал вот для чего... во-первых, хочу поздравить с успешным завершением вашей... хмм... операции. На завтра дуэлей у вас нет. И на ближайшее время – тоже нет. Если, конечно, снова не устроите какое-либо безобразие. Все дуэлянты Академии Тактики сняли свои дуэли, обязавшись выплатить положенную согласно условиям договора компенсацию. Кроме того – вы получите компенсации от проигравших, они не желают стоять на площади под насмешками черни. Все как вы и предполагали. За отказные поединки вам полагается – за вычетом пятнадцати процентов – семьдесят две тысячи восемьдесят золотых. От проигравших, за вычетом доли Академии – двенадцать тысяч семьсот пятьдесят золотых. Итого – восемьдесят четыре тысячи восемьсот тридцать золотых. Вы теперь обеспеченный человек, господин Син. Хмм... завидный жених!

Ах вот оно что... уж не собирается ли он поговорить о судьбе своей дочери? Что там ему наговорила эта чертовка? Нет... придется мне закруглять наши отношения. Хватит. И девки оборзели, и папаша вызверился... нет, не этого я хочу.

– В ближайшие годы, а может и десятилетия я не намерен жениться! – говорю, глядя в темные глаза ректора. И то, что говорю – истинная правда. Не намерен, точно! И вообще не намерен. Ну не готов я к браку... старый холостяк.

– Вот это и пугает... – вздыхает ректор, и я внутренне

усмехаюсь. Ну, понятно... Хельга!

– Если вы прикажете, я прекращу общение с вашей дочерью – говорю прямо, без обиняков – Единственное, что скажу в мое оправдание... это она была инициатором наших отношений.

– Девочка созрела... – бормочет под нос собеседник, и поднимая на меня взгляд – Это дело моей дочери. Она взрослая... женщина, и сама выбирает себе партнеров. Но я должен сказать, хочу, чтобы вы знали, курсант Син: если вы посмеете бросить тень на репутацию моей дочери, если начнете склонять ее имя на каждом перекрестке... я вас уничтожу, чего бы это мне ни стоило.

Кланяюсь, снова внутренне усмехаясь. Зря это он про репутацию. Все в Академии прекрасно знают о наших отношениях, о том, что мы с Хельгой любовники. Уж она-то позаботилась о том, чтобы это знали не только курсанты, но даже кухонные крысы и коты. Уверен – сидела где-нибудь в столовой и громко обсуждала наши постельные упражнения. Почему-то у здешних девиц это не то что нормально, но вообще в ранге положенности! На Земле я такого не видал. Хотя... я что, на Земле часто зависал в компании девиц? Слушал их женские разговоры? Вполне вероятно, что и они обсуждают... хмм... размеры, способы и умение своих мужчин.

И тут же подумалось: а может здесь это некий способ получения необходимой подросткам информации? На Земле, пока не было интернета, как дети и подростки узнавали об

отношениях мужчин и женщин? Ну... кому-то рассказывала мать – примерно так поступила мамаша Сони. Только она еще и умудрилась устроить перед своей дочерью наглядное зрелище, со всеми подробностями и нюансами. Кстати – когда я услышал, как Сонька легко описывает то, что происходило перед ней под руководством мамыши, первое, что подумал: «Чертовы извраты! Как так можно?!»

Ну а остальные детишки получали информацию во дворе – от более продвинутых подруг. Но даже притом при всем большинстве выходило замуж имея совершенно смутные представления о сексе, которое нередко сменялись полным разочарованием. Партнеры-то у них были такие же неловкие и неопытные, как и эти простушки.

Ну а когда настала эра интернета – тогда уже не осталось никаких тайн. Любой подросток может зайти и наглядно увидеть все, что касается этой сферы отношений.

Так что здесь эдакий странный обмен информацией между девушками можно посчитать и нормальной практикой, имеющей целью повышение образовательного уровня будущих жен и матерей. Да, загогнул! Лектор хренов! Но по сути совершенно точно. Представляю, как эти три чертовки перемывают мне кости, обсуждая наши постельные игрища... даже становится не по себе. Не привык я к такой... хмм... открытости.

Анна наслаждалась. Поясница гудела, колени, на которых она ползала несколько часов убирая в комнате – болели, мокрые трусы липли к телу и холодили зад, голова чесалась от пота, и все это было так... восхитительно, так... прекрасно, что душа ее пела и хотелось вопить, орать во весь голос: «Я жива! Я чувствую! Я снова жива!».

Она любила своего господина – искренне, как только можно любить того, кто вернул к жизни. И не только потому, что он воздействовал на нее своей магической силой. Не потому, что Анна привязана к Петру тугой нитью, разорвать которую может только он. Девушка знала, что этот человек не будет злоупотреблять своей властью, не будет требовать от рабыни того, чего она не сможет исполнить.

Хенель... милый Хенель! Анна любила его, но не так, как тогда, в своей первой жизни. Теперь он был для нее чем-то вроде брата. Сводного брата. Их связывают тесные отношения, они хотели пожениться, все это так! Но это было ТОГДА. Теперь – все другое. Теперь она принадлежит Сину, и готова для него на все. Как и предыдущая владелица тела. Их с Анной желания, их памяти объединились, и теперь Анна была частично Ана, помнила и умела все, что умела и помнила настоящая хозяйка тела.

Анне было очень жаль девушку. Очень. На самом деле та

была очень хорошей, порядочной, настоящей подругой Сину. В отличие от трех его подруг-курсанток, Ана хотела сделать все, чтобы Петру было удобно и комфортно жить. Не более того. И ее очень жаль.

Но... как это всегда бывает, свое платье ближе к телу. Смерть Аны дала жизнь Анне, и пусть Анна и жалела об ушедшей девушке, но это никак не могло перебить радость бытия. Просто бытия – чувствовать, жить, это так много, и так сладко! Понимаешь такое только тогда, когда ты много лет бродил по свету в качестве бесплотного, бесчувственного призрака.

Кстати сказать – тело Аны Анне понравилось. Она не была такой высокой, тренированной и сильной, как покойная курсантка Академии, но... при небольшом росте Ана обладала хорошо развитым, гармоничным телом. Стройные крепкие ноги были достаточно длинны – с крепкой попой, с развитыми икрами, гладкими, мускулистыми бедрами.

Грудь небольшая, но крепкая, с красивой формы большими сосками.

Тонкая талия без жировых складок, плоский живот – не хуже чем у тела Анны.

И самое главное (если это самое главное!) – красивое, аристократичное лицо, без каких бы там ни было следов, указывающих на вмешательство мага-трансформатора. Да и откуда бы взяться этому вмешательству? Откуда у бедной девушки возьмутся средства на переделку лица? И тем более все-

го тела. Девушки касалась только магия Сина, уничтожившего прилипшее к Ане проклятье. В остальном – девчонка была красива природной красотой, которую при желании и умении хоть и с трудом, но можно отличить от красоты сделанной, наведенной. Ну а что касается тела... есть такие люди, которые с рождения обладают выдающимися физическими кондициями – например, они могут много есть, и не толстеть. Их организм настолько умело поддерживает равновесие телесных стихий, что им до определенного возраста не грозит ни ожирение, ни излишняя худоба.

Ана была из таких. Ну и тяжелая работа дала свои плоды. Попробуй-ка, поползай с тряпкой в руках, помой пол, повыноси воду, постирай днями напролет! Быстро станешь худой и прогонистой, и мускулы очень даже окрепнут.

В общем – после того, как ты побродила призраком, любая жизнь для тебя станет счастьем. Познается в сравнении, точно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.